

ВИКТОР ПЕЧОРИН

Артефакт для Сталина

Виктор Печорин

Артефакт для Сталина

«Издательские решения»

Печорин В.

Артефакт для Сталина / В. Печорин — «Издательские решения»,

Фигура в джинсах и темной куртке с капюшоном, скрывавшим голову, лежала ничком на влажной траве, которая казалась виниловой в голубоватом свете софита. Иметь дело с трупами ему еще не приходилось. Антон откинул капюшон, прикрывавший голову трупа. Из-под капюшона показалась копна соломенного цвета волос. — О, нет! — воскликнул Антон и перевернул труп на спину. Перед ним, в ярком луче софита, лежал тот самый курносый парень, который на днях продал ему шкатулку.

© Печорин В.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Ремонт	9
Пятница тринадцатое	12
А ларчик просто открывался	14
Славик	17
Криминальная хроника	19
Орден Тамплиеров	23
Саталия	26
Превратности судьбы	28
Таверна «Кабури»	30
Иерусалим	34
Полет над Александрией	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Артефакт для Сталина

Виктор Печорин

© Виктор Печорин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Пролог

Ненастной осенней ночью 1299 года от Рождества Христова кавалер Бертран де Комарк был разбужен нянькой, заполошно кричавшей:

– Вставайте, молодой господин, батюшка кончается!

Едва продрав глаза и брызнув в лицо студеной воды из тазика, Бертран, как был босиком, бросился в опочивальню. Возле кровати сутились слуги, подгоняемые врачом. Невнятно бубнил молитвы орденский священник.

В тусклом свете свечей – лицо отца, утонувшее в подушках, желтое и сморщенное, как старый пергамент. Глаза старика закрыты.

«Не успел...» – промелькнуло в голове Бертрана.

Но веки дрогнули, глаза открылись, худая рука старика встrepенулась над льняными простынями.

– Вон! Все вон! – прошептели бесцветные губы. – Сын мой... Подойдите...

Их оставили вдвоем. Бертран склонился над стариком низко – чтобы слышать, точнее – угадывать еле-слышимые слова:

– Умираю... Вы еще слишком молоды... Не должно бы обременять вас столь тяжким грузом, но... Ваш старший брат Ангерран сражается с неверными ... Боюсь, я его не увижу ... Возьмите вон там, под периной...

Удивленный Бертран запустил руку под перину в головах кровати и вынул что-то тяжелое. Поднеся предмет к свету, он увидел небольшую бронзовую икатулочку, украшенную священными символами.

– Здесь – ключ к самому великому сокровищу Ордена. Это сокровище было открыто первыми братьями храмовниками в святом городе Иерусалиме. Мы дважды едва не лишились его: первый раз при падении Иерусалима, второй – когда безбожные сарадины захватили наш Дом в Акре. Тогда братья решили, что сокровище должно быть укрыто в более надежном месте. Я не знаю, где это место. Ваш брат Ангерран знает. Мне было поручено хранить вот это – на случай, если все, кто знает то место, погибнут. Это – ключ...

Старик закашлялся, начал задыхаться. Последние слова произнес неразборчивой скороговоркой, торопливо:

– Возьми... храни в безопасном месте. Тщательнее, чем саму свою жизнь... Если... почувствуешь, что не сможешь дальше хранить... передай рыцарю, принесшему клятву, и никому другому! Слышишь, никому другому! Поклянись головой Святого Иоанна!

– Клянусь, батюшка!

– Ты поклялся, Бертран! Помни это! Придет время... ты примешь Иоанново препоясание! А теперь ступай... Позови священника... Настало время мне держать ответ перед Господом!

Восемь лет спустя Бертран де Комарк, младший сын сенешаля де Комарка и брат Ангеррана де Комарка, рыцарей храма, был арестован королевскими приставами и умер в тюрьме. Даже под пытками не выдал он тайны, которую доверил ему отец. Единственное, что мучило его перед смертью – он не смог передать икатулку никому из братьев-тамплиеров. Потому что все тамплиеры были схвачены, а Орден распущен. Канул в неизвестность и его старший брат, рыцарь Ангерран. Должно быть, был убит в черную пятницу несчастного 1307 года.

Вместе с другим нехитрым скарбом бронзовая икатулочка досталась в наследство племяннику Бертрана, Тибо, и так и передавалась в семье де Комарков от отца к сыну на протяжении почти пятисот лет, скорее как дань традиции, чем во исполнение обета.

***

Сержант Жан Госпен и приятель его, Франсуа Бурдерон по прозвищу «Пивная бочка», оба люто ненавидели аристократов, поскольку из-за них чувствовали себя в своей стране людьми «второго сорта». Их родители всю жизнь тянули ляжку за гроши, да еще должны были платить подати, а эти расфуфыренные графы и виконты в шелковых камзолах и пудренных париках закатывали роскошные пиры в своих огромных дворцах и парках. А за чей счет эта роскошь? Да за счет народа, конечно, за чей же ещё?

А король? Разве он защищает свой народ от этой толпы трутней? Как бы не так! Он сам первый подает дурной пример, тратя сумасшедшие деньги на строительство дворцов, на содержание любовниц и фаворитов. Вечно он нуждается в деньгах (еще бы, при таком-то образе жизни!) и придумывает все новые налоги – то на соль, то на цветное сукно, то на стеклянные окна.

Беднякам-то некуда деваться: хочешь иметь в доме окно – плати! А аристократы нашли выход: чтобы не платить налога, стали вместо окон в своих дворцах делать... стеклянные двери, – на двери-то налога нет!

А самое обидное, встретив такого аристократа на улице, нужно было снимать шляпу и кланяться. А если вовремя не увернуться, «благородный» мог запросто наехать на человека или больно ожечь кнутом, как лошадь. И жаловаться некому – аристократ всегда прав!

Остановив подозрительный экипаж, покидающий Париж через заставу Сент-Антуан, Жан Госпен первым делом заподозрил: не аристократ ли в нем прячется? Гербов правда на дверце не было, да и сам тарантас похоже видал виды, но все же... И оказался прав! Вот оно – революционное чутье! В карете ехал какой-то старый пень в парике, а с ним – молоденькая девушка, называвшая его отцом, а также приживалка. Документы у пассажира оказались фальшивые, а в кармане – табакерка с изображением короны! Значит – монархист и враг республики. Да еще и огрызался, назвал «вандалами»! Старика, конечно, расстреляли, с девчонкой потешились в караулке, старая гримза нянька, или кто она там, куда-то исчезла под шумок. Поживы, правда, в экипаже оказалось мало – серебряные приборы, коробка с женскими платьями, молитвенник да бронзовая шкатулочка. Серебро и тряпки караульные поделили в качестве трофеев, а бесполезные книжку и шкатулку обменяли у папаша Мальбраниша на два кувшина вина.

***

В каких пыльных закоулках истории та небольшая шкатулочка прозябала следующую сотню лет, вряд ли смог бы определить даже самый именитый историк. Зато очередное ее появление произошло при необычных обстоятельствах и в необычном месте: на квартире профессора права Николая Львовича Граббе в Голицынском переулке, в Москве, столице большевистской России. Именно здесь происходило очередное заседание Капитула Ордена Тамплиеров, на котором только что вернувшийся из Парижа брат-тамплиер Жан де Пьерфон (в миру – доцент исторического факультета Иван Платонович Парфенов) продемонстрировал собравшимся бесценную семейную реликвию рода де Пьерфон – бронзовую шкатулку, украшенную печатью Ордена и другими священными тамплиерскими символами. Кроме того, рыцарь Жан продемонстрировал пожелтевший кусок пергамента, на котором порыжелыми от времени буквами на старофранцузском была сделана запись, гласившая, что в 1227 году рыцарь Франсуа де Пьерфон передал Ордену Храма свое поместье, за что сам он был принят в число братьев Ордена.

На самом деле бесценная реликвия была куплена Иваном Платоновичем за бесценок у уличного старьевщика на набережной Сены, а пергаментная страница была вырезана бритвой из средневековой «Поземельной книги» в библиотеке Парижского университета, где доцент проходил стажировку.

Но на московских тамплиеров эти предметы произвели сильное впечатление. Николай Львович прослезился, заключил Ивана Платоновича в братские объятия, а потом объявил, что отныне икатулка, семьсот лет хранившаяся родом де Пьерфон, возвращается во владение братьев и станет главной реликвией возрожденного в России Ордена тамплиеров.

Двумя годами позже Николай Львович будет сильно жалеть, что связался с этими тамплиерскими играми, которые оказались под подозрением у НКВД, и ломать голову, куда бы так запрятать эту проклятую «бесценную реликвию», чтобы ее никогда и никто не нашел. Была бы она деревянная – можно было бы бросить в печку, вместе с бумагами и пергамен-тами, но она ж, как назло, металлическая... И из дому сверток не вынесешь – опального профессора круглосуточно пасла пара «людей в штатском».

Все-таки уроки тамплиерской конспирации не прошли даром, и решение было найдено – икатулку удалось спрятать. Профессору это, впрочем, не больно помогло. В очередную бессонную ночь в его дверь постучали. Хотя обыск ничего не дал, Николая Львовича увели. За его женой пришли через неделю.

Ремонт

– Ну вот, стали они, значит, вскрывать пол, чтобы лаги заменить. И видят там, под полом, латунную плиту, а на ней – надпись на не нашем языке, и год какой-то лохматый, ну, предположим, восемьсот девяносто седьмой, прикинь...

– Клад, что ли?

– Ну да! Так и подумали. Что делать? Квартира – бабкина, значит и клад чей? Ейный, так? Государству сдашь – вернут тебе какой-то процент, и все. А вдруг там столько бабла, что можно вообще всю жизнь не работать? Короче, посылают они хозяйку в магазин, типа за пузырем, и говорят, чтобы не спешила, потому что сейчас тут будет пыльно. Она и пошла.

Быстренько вскрывают пол вокруг плиты. Обнаруживают, что плита крепится четырьмя гайками по краям, а сама как бы в пол заделана, прикинь.

– Тайник значит старинный? Или люк в замурованную комнату?

– Ну, типа, да...

Удовлетворенный произведенным эффектом, Петрович вытащил пачку «БТ» и стал щелкать зажигалкой.

Вообще-то, он был неплохой мужик, Петрович. Да вот только пунктик у него такой – хлебом не корми, дай байку про клад рассказать. Таких баек Петрович знал множество, и большинство из них касались кладов, найденных во время ремонта или сноса старых домов. Видимо эта тема была ему близка. Еще бы – всю сознательную жизнь проработал в ремонтном тресте. Еще при Советах начинал.

Однажды, например, он рассказал, как ковш бульдозера зацепил какой-то глиняный горшок – а оттуда посыпались серебряные монеты. А потом люди, узнавшие об этом, выследили, куда со стройки вывозят лишний грунт, и стали каждую высыпанную кучу просеивать и перебирать руками, надеясь, что раз нашли горшок с серебром, может там и еще что-нибудь отыскаться. Ту историю он рассказывал с такими подробностями, что Славику показалось, будто он и сам, Петрович то есть, ездил за город просеивать землю решетом.

Славика пристроила в стройтрест тетка, у которой он жил. Сам-то он из «понаехавших тут»: приехал из провинции, где для него не было ни перспектив, ни работы. И образования предки не смогли ему дать. Хорошо хоть у матери оказалась в Москве родная сестра, вдовая, а у нее трехкомнатная квартира от мужа осталась. Вот там он и жил. А поскольку одной теткой пенсии им на двоих не хватало, нужно было работать. Он и работал, куда деваться. Была у них бригада – девять человек, делали всякую работу. Но больше всего Славику нравилось работать вдвоем с Петровичем, типа подручным. Петрович умел так устроиться, чтобы и работа не слишком напрягала, и платили бы нормально, мог и права перед начальством покачать. Короче, за ним чувствовал себя Славик надежно, как за каменной стеной. Вот только байки Петровичевы его уже достали, эти вечные мечты найти клад – и больше не работать. Уж скоро Петровичу на пенсию – а все мечтает...

– Ну и что дальше, Петрович? – спросил Славик не столько из интереса, сколько чтобы разговор поддержать.

– Ну, дальше что? Взяли они разводной ключ, вот как этот, и стали те гайки отворачивать. Первые две отвернули легко. Третья пошла туго, с трудом вывернули. А четвертая вообще ни в какую. Они ее и так, и этак, – не идет зараза. А спешить нужно – бабка того и гляди вернется, они все на нервах.

– И чё?

– Ну, чё? С грехом пополам, при помощи кувалды и таковской матери все-таки скрутили. И тут, слухай сюды, все четыре стержня, на которых гайки крепились, проваливаются вниз, а оттуда раздается страшный грохот и звон.

Петрович хотел, было, выдержать паузу, которой он всегда предварял кульминационный момент своих историй (возможно, ради этого момента он их и рассказывал), но тут вмешалась судьба в образе бригадира Альберта, которого за глаза дразнили Адольфом за характерную причёску и сварливый нрав.

– Так, почему сидим, почему не работаем? Хотите без премии остаться? Вон у вас еще две стены от старых обоев не освобождены, и дверные коробки не демонтированы. Ну-ка встали, и пошли работать, живенько. Через час приду, проверю.

– Тьфу, – в сердцах сплюнул Петрович вслед скрывшемуся в дверном проеме Адольфу. – Ну что за человек. Ну ладно, Славик, мы люди подневольные. Хватай гвоздодер, иди, вон с той двери наличники оторви и коробку попробуй расшатать. А я тут с обоями закончу. Если чё, я рядом, позовешь.

– Ну и что там было, под плитой-то? – спросил Славик, поднимаясь.

– Под какой плитой?

– Ну, под той, когда четвертую гайку-то отвинтили?

– А ничего там не было, – хмуро ответил Петрович, все еще досадуя на Адольфа, сорвавшего эффектный финал его истории.

– Как так?

– Ну, короче, под этой квартирой внизу был ресторан, «Арагви», знаешь?

– Откуда? Я чё, по ресторанам хожу?

– Ну да... Да его там и нет уже. А в старые времена крутейший был ресторан, в центре, на улице Горького. Ну, теперь Тверская. Ну, так вот, там, в главном зале висела огромная хрустальная люстра, старинная, изготовленная одной французской фирмой. И крепилась эта люстра на четырех стержнях, пропущенных через перекрытие и через латунную доску, а сверху – гайки. На доске, как было принято в старые времена – надпись, когда, кто изготовил, и все такое. Ну вот, эти гайки те клоуны и отвернули. Кажется, им за это срок впаили, типа, за порчу имущества. Ну, может, условно, я не знаю...

Услышав это, Славик прыснул со смеху.

– Вот умора, – сказал он, отсмеявшись, – думали клад, а получили срок... И где ты, Петрович, такие истории берешь?

– Так в газете про это писали. Ну ладно, иди трудись. А то неровен час Адольф вернется.

Работать Славик не то чтобы любил, но относился к этому как к неизбежности. И отец его и мать всегда работали, и он должен. Особо по этому поводу не заморачивался: надо – значит надо. Взял гвоздодер, молоточек, топор – и пошел. Наличники от двери отрывать – дело несложное. «Ломать – не строить», как Петрович говорит. Завел острое гвоздодера под наличник, дернул – аж гвозди неприятно закрипели. Еще раз дернул, в другом месте. Еще пара рывков – и наличник слетел, обнажив занозистую дверную коробку. Одновременно что-то вроде куска кирпича больно упал ему на ногу. Посмотрев вниз, он увидел, что это был вовсе не кирпич, а темного цвета коробочка, покрытая затейливой резьбой.

«Клад?» – подумал Славик, но тут же улыбнулся сам себе, вспомнив историю, рассказанную Петровичем. «Ага, конечно, клад... Так, безделушка какая-то. Может, Петровичу показать? Вот он обрадуется... А если и правда клад? Может, там золото? Вещица-то вроде старинная. И тяжеленькая. Вдруг вот мне – и повезло? И можно не работать, и свою квартиру купить, не все же у тетки ютиться. Туда ни девушку привести, ни музыку громко включить...». И представилась ему вольная и свободная жизнь, которую он мог бы вести, имея хорошую сумму денег. Ну, примерно миллион! Или два миллиона! Сколько сейчас стоит квартира в Москве – об этом он еще не задумывался, и два миллиона казались ему баснословной суммой. Один миллион можно истратить, а второй еще останется. И он решил ничего Петровичу пока не гово-

рить. Сунул шкатулочку в сумку с инструментами, для верности завернув ее в газету: потом дома рассмотрю.

Пятница тринадцатое

Бывают же несчастливые дни! Машина вдруг ни с того, ни с сего сломалась прямо посреди дороги, в час пик. Естественно, возле нее выросла пробка километров в семь, сквозь которую с трудом пробрался эвакуатор. Так что на пятничную оперативку он, конечно, опоздал. Может, и к лучшему, потому что разъяренный шеф закрыл его передачу, которая выходила в эфир уже два года в довольно-таки неплохое время. Отец обиделся, что он давно его не навещал, даже с днем рождения забыл поздравить. В сердцах наговорил на автоответчик, что завещает квартиру в академическом доме какому-то фонду. Ну и в довершение, поругался со Стасей. Правда, последнее случилось еще вчера, но какая разница. Пятница, тринадцатое – вот и не верь приметам!

Домой пришлось ехать на метро. Домой – то есть в батину квартиру. Где его никто не ждет...

В метро было суетливо, тускло и тесно, как в толпе зомби. Но он почти не замечал окружающую подземную жизнь, уже который раз прокручивая в мозгах разговор с шефом.

Шеф был из славного племени комсомольцев – хватких, беспринципных и всегда державших «хвост по ветру». Он принадлежал к тому поколению, которое после свержения Партии сумело прихватизировать все более – менее теплые местечки. Да еще и оттоптало на взростивших и взлелеявших их «старших товарищах».

Именно они в девяностые громче всех требовали объявить Партию вне закона, а еще лучше – попересажать всех коммунистов. Чтобы устранить конкурентов. Вот и шеф тоже в свое время половил рыбки в мутной воде, и под шумок за бесценок прикупил акций телеканала, которые потом стали расти как на дрожжах...

– Ну что это? – тоном правдоруба, утомленного борьбой с бездарью и ленью, декламировал шеф, картинно размахивая тематическим планом. – Опять контрафактные сигареты, опять просроченные сырки в магазинах, опять сосиски без мяса, будь они неладны... Люди уже настолько запуганы вашими страшилками, что падают не только наши рейтинги, но и прибыли наших рекламодателей! Замечу, на секундочку, они ведь продают практически то же самое, чем ты в своей передаче пугаешь народ. Ну сам посуди: ты бы стал давать деньги на антирекламу своего товара? Вот то-то!

– Но там отснятого материала на несколько месяцев вперед! – вяло возражал Антон, стараясь спустить проблему на тормозах. Раньше такое прокатывало.

– Ага, чтобы рекламодатели совсем разбежались? Вот тут у меня предложение от редакции игровых программ. Где они просят отдать им твое время. И я с ними согласен. Пусть лучше будет «мыло» – зато повысятся рейтинги и рекламодатели не будут претензий предъявлять... Ну что ты на меня так смотришь? Лучше предложение есть?

– Нет, – честно ответил Антон, и подумал про себя: «Если бы у тебя ушла девушка, сломалась тачка и выперли из дому – тебе бы до предложений было?» Вслух, конечно, не сказал. Вспомнил, как месяц назад шеф «ушел» с канала Бориса, талантливого журналиста и отличного парня, только за то, что тот имел неосторожность поспорить с ним на совещании. Вот тебе и свобода слова...

– Короче, так, – констатировал шеф, – передачу твою закрываем, время отдаем под игру «Легкие деньги».

– Я уволен?

– Стоило бы, конечно. Но я сегодня добрый. Напряги все, что у тебя там есть – шеф постучал себя пальцем по лбу, – и предложи мне новый проект. С учетом того, что я сказал.

Дай народу тайну, загадку, сенсацию! Романтики дай, чтобы обыватель забыл про серые будни. Мы же фабрика мечты – а не общество анонимных потребителей просроченных сырков.

– Я подумаю. Сколько у меня времени?

– Думаю, двух недель за глаза хватит. А пока, чтобы без дела не болтался, подмени Бремера в «Криминальной хронике». Он на больничном. Все, иди, у меня встреча с рекламодателями. Через две недели жду!

Короче, отделался легким испугом. Лучше уж «Криминальная хроника», чем вообще без работы оказаться. Кажется, пятница тринадцатое исчерпала свой потенциал неприятностей.

Дома он первым делом налил себе виски.

От пережитого, от нервов, есть не хотелось. Да и в холодильнике было шаром покати.

– Ничего, перебесится – вернется, правда? – сказал Антон и чокнулся со своим отражением в зеркале.

Затем порылся в ящике комода, где хранились носки, вынул пакетик с красивыми сережками, украшенными крупными, неправильной формы, жемчужинами. Он купил их, чтобы сделать эффектное предложение. Это были те самые сережки, перед которыми Стася остолбенела у витрины ювелирного магазина, – он запомнил это.

Но не в целлофановом же пакетике их дарить? Обычный бархатный пенал, какие продаются в ювелирных магазинах, ему тоже не нравился – в нем было что-то мещанское. Может быть, положить эти сережки в какую-нибудь винтажную шкатулку? Она ведь обожает покупать старинные штучки на блошиных рынках...

Он поднял лежащую на комодке лицом вниз их совместную фотографию в старинной серебряной рамочке и поставил ее как положено. Потом, погрозив портрету пальцем, налил еще виски и, включив ноутбук, набрал в поисковой строке слова «шкатулка старинная».

А ларчик просто открывался

Придя домой, Славик первым делом вынул свою находку из сумки и поставил ее на стол. Хотел было приступить к осмотру, но тут тетка позвала ужинать. За ужином он был немногословен и не слушал обычных теткиных разговоров о том, как все подорожало. Одна другой затейливей, перед ним проносились фантазии, в которых видения того, что могло бы быть спрятано в шкатулке, чередовались с видениями его новой самостоятельной и богатой жизни. Наскоро проглотив тетнины котлеты, Славик вернулся в свою комнату с твердым намерением разбогатеть.

Шкатулка ожидала на столе.

Он зажег настольную лампу, придвинул стул и стал рассматривать. Вещица оказалась необычная. Это была продолговатой формы коробочка, но не плоская, а вытянутая вверх, а завершалась она крышкой в форме гробика. Цвет имела темный, почти черный, с зеленоватым оттенком. Славик постучал по ней лезвием ножа – шкатулка отозвалась приглушенным звоном. «Бронза» – решил он. Примечательнее всего, конечно, были рисунки, покрывавшие стенки и крышку шкатулки. На передней стороне виднелась лошадка, на которой сидели почему-то два всадника. «Может, это черкес похищает черкешенку» – подумалось Славику, но, приглядевшись, он увидел, что оба всадника одеты в мужскую одежду. Торцы были украшены орнаментом, представлявшим собой квадрат, по углам которого располагались четыре кружка, а в центре квадрата было вырезано изображение то ли звезды, то ли цветка. С крышки на Славику подслеповато взирала выпуклая бородатая голова в круге. Осмотр убедил, что находка – вещь старинная и ценная. Но самое ценное, наверно, у нее внутри.

Как же она открывается? Ни петель, ни отверстия для ключа, никаких защелок. Он решил воспользоваться ножом, заведя его в узкую щель под крышкой. Стараясь половчее ухватить шкатулку, чтобы нож случайно не сорвался, он стал крутить ее в руках и вдруг почувствовал, что палец, случайно попавший в один из четырех кружков, вырезанных в торце, вроде как немного вдавил этот кружок внутрь. Потайная кнопка? Он еще раз нажал на кружок пальцем – и вновь ощутил, что тот слегка пружинит. Шкатулка не открылась. Тогда он надавил на другой кружок – и тот тоже слегка вжался внутрь. Точно так же вели себя остальные два кружка. Но крышка по-прежнему не открывалась. Славик стал тыкать в кружки различным образом, предположив, что это что-то вроде цифрового замка, но с тем же результатом. Может быть, надо надавить на все четыре кружка одновременно? Чтобы проверить эту версию, он засунул в каждый кружок по одному пальцу. Вопреки его ожиданиям, сделать это оказалось несложно, как будто изображение было специально приспособлено под параметры человеческой кисти. Его рука непроизвольно дернулась, и он почувствовал, что весь орнамент слегка качнулся. Надавлив еще раз, он ощутил, что изображение может вращаться против часовой стрелки. Он повернул до упора и услышал внутри шкатулки легкий щелчок. Ура! Крышка, наконец, открыта!

Чувствуя себя примерно так же, как Колумб, увидевший на горизонте землю, Славик откинул крышку в предвкушении обнаружить там все богатства мира.

Но увы! Шкатулка была пуста.

Сказать, что он был разочарован – значит, ничего не сказать. Столько надежд, столько возни с этой коробочкой – и все из-за чего? Это ведь все равно, что лотерейный билет, которому одной цифры не хватило до выигрыша. Эх!

Разглядывая свою бесполезную находку, Славик думал о двух вещах: как несправедлива к нему судьба, и как лучше распорядиться найденной бесполезной штуковиной.

«Ну, во всяком случае, старинная. Может, ее купит какой-нибудь сумасшедший коллекционер? Они ведь всякую фигню покупают. И денег у них куры не клюют. Мне-то все равно без надобности».

Напрягши извилины, Славик сочинил небольшое объявление, сопроводил его фоткой шкатулки, сделанной на мобильник, и, поместив на «Авито» и «Из рук в руки», стал ждать.

Звонок раздался на удивление быстро. Звонивший был краток:

– Я насчет шкатулки. Сколько ты за нее хочешь?

Славик сначала хотел сказать: «двести». Потом подумал, что неплохо бы сорвать тонну баксов, но, немного поколебавшись, ограничился тремя сотнями.

«Неплохая прибавка к пенсии» – вспомнил он рекламный слоган и улыбнулся.

– Завтра в шестнадцать у Новокузнецкой, устроит? – сказал голос в трубке.

– Годится – ответил Славик вполне довольный собой. На следующий день у него как раз был выходной.

Адрес Антон назвал машинально. Неподалеку жила Стася, и они обычно встречались здесь, в скверике у фонтана. В четыре Антон вышел из метро и сразу заприметил курного паренька с торчащими в разные стороны соломенными волосами.

– Надеюсь, не ворованное, – спросил Антон, пронзив обладателя антиквариата изучающим взглядом.

– Какое ворованное – наследство! – возмутился Славик.

– Что-то не похож ты на того, у кого в семье хранятся такие реликвии.

– Не были бы бабки нужны, – возразил Славик, – нипочем не отдал бы.

– Ладно, держи бобосы. Приятно было познакомиться.

– И тебе не хворать.

На том и разошлись.

Точнее, Славик юркнул в метро, а Антон закурил, глядя на счастливые парочки, оккупировавшие скамейки возле дурацкой скульптурной группы в составе Адама, Евы и толстого питона под металлическим одуванчиком. И тут он увидел, как от своего дома через дорогу как всегда стремительной походкой переходит... Стася и направляется в его сторону. Как часто он ее ожидал вот здесь, у фонтана, и она вот так же стремительно выбегала к нему, опоздав минут на пятнадцать.

Неужели, увидев его из окна, поняла, что поступила с ним жестоко, и решила извиниться и попросить забыть их размолвку? Спрятав шкатулку в сумку (это ведь должен быть сюрприз!), Антон отбросил сигарету и направился навстречу, на ходу подбирая слова, которые он ей скажет.

Обогнув скамейку, он заметил, что Стася направляется вовсе не в его сторону, а куда-то дальше, где стояли припаркованные машины. Когда она прошла мимо, не заметив его, он остановился и стал смотреть ей вслед. Из кофейного цвета бьюика навстречу Стасе вышел высокий брюнет спортивного сложения, с розой в руке.

– Какой же я дурак! – пробормотал Антон и отвернулся. – Еще не хватало, чтобы она меня заметила. Подумает еще, что я ее выслеживаю. Как глупо! Но зато теперь все ясно. Она не вернется... А я-то... предложение... Вот дурак.

Находиться здесь он больше не мог и, опустив голову, быстро направился в метро.

В вагоне Антону казалось, что все на него смотрят, как будто он голый. Будто бы след недавнего унижения запечатлелся на нем. Забившись в угол, насколько позволял переполненный вагон, он закрыл глаза, снедаемый огнем ревности и обиды. И острым чувством жалости к себе.

Однако долго длиться его душевным терзаниям было не суждено.

Ощувив странные подергиваниями сумки, он опустил руку, чтобы ее поправить и почувствовал, что в сумке орудует чужая рука. «Карманник!» – подумал Антон и вцепился в руку жулика изо всех сил. За его спиной раздался женский вскрик «А-а! Не трогай меня!». Окружающие пассажиры повернули головы в его сторону, а сам он, обернувшись, увидел, что держит за руку стройную брюнетку. Это было совсем не то, что он ожидал увидеть. Девушка была, в общем-то, недурна собой и прилично экипирована. Её внешний вид настолько не соответствовал представлению о карманнике, что Антон хотел было уже извиниться, но, опустив взгляд вниз, убедился, что рука брюнетки до сих пор находится в его сумке.

– А что это вы делаете в моей сумке? – спросил он, и толпа вокруг них немного расступилась, так что диспозиция стала видна всем.

Лицо карманницы показалось Антону знакомым. Кажется, эта девушка несколько раз прошла мимо, когда они разговаривали с продавцом шкатулки. Она вполне могла слышать их разговор.

– Аферистка! – закричала дама неопределенного возраста в бежевом плаще. – Вот такие у бабушек последнюю пенсию вытаскивают!

– В милицию ее сдать, и всё! – пробасил мужик в шляпе. – Ты держи ее, парень, не выпускай.

Кто-то начал нажимать кнопки мобильного, да с досады чертыхнулся: связи нет.

На остановке толпа вынесла Антона вместе с его «добычей» на перрон. Свидетели события живенько рассосались по сторонам, и они остались наедине. «И что теперь делать?» – тоскливо подумалось Антону. Больше всего ему хотелось попасть домой, исчезнуть, чтобы не видеть никого и чтобы его никто не видел. А тут эта девушка.

– Ну что, в милицию пошли? – сказал он.

– Чего пристал, – сказал девушка. – Видишь, у меня наушник в твоей сумке застрял. Помоги лучше вытащить.

– Так ты не карманница? – опешил Антон, раскрывая сумку. Только тут он заметил розовый проводок, тянущийся откуда-то из недр одежды девушки прямо в его сумку и за что-то там зацепившийся.

– Ой, простите ради бога, – смущенно пролепетал Антон. – Мне право же очень неловко. Я просто подумал... Простите, так неудобно получилось.

– Да ничего, – сказала девушка, подмигнув. – Бывает. Пока, ковбой!

Она вставила обретший свободу наушник в ухо, развернулась, и, помахивая сумочкой, скрылась в толпе.

Славик

был в порядке. Он купил крутой новый цифровой плеер последней модели, с диктофоном, и уже опробовал его, воображая себя агентом Купером из «Твин Пикс» – тот постоянно записывал все на диктофон. Петровичу он так ничего и не сказал.

Возвращаясь с работы, он слушал русский рэп и предавался приятным размышлениям, на что бы потратить оставшиеся доллары.

Когда он уже подходил к теткиному дому, его остановил представительный мужчина:

– Простите, молодой человек, вы в этом доме живете?

– Да. Вы кого-то ищете?

– Ага. Кононов Вячеслав вам не знаком?

– Это я. А что случилось?

– Вы, значит? Какое совпадение! Безмерно рад. А меня зовут Николай Николаевич. Будем знакомы.

– Очень приятно... Но откуда вы меня знаете?

– Ну, такая уж у нас профессия – все про всех знать, сказал мужчина и ткнул в лицо Славику удостоверение с цветной фотографией.

«Засыпался, – подумал Славик, – вычислили». Его прошиб холодный пот и задрожали колени.

– Может быть, добровольно все расскажете? – продолжал мужчина.

– О ч-чем? – проблеял Славик.

– Ну как о чем? Об антикварной шкатулке, конечно.

– О к-какой ш-шка..

– Вячесла-ав Вадимович, ну что же вы, батенька. Я же сказал: такая профессия у нас – все знать.

«И отчество знает!» – в ужасе отметил Славик.

– Ну, так будем все рассказывать, как на духу? Или поиграем в непонятки?

– К-как на духу – пролепетал Славик. – Я н-не знал... я стукнул, а оно выпало... Ну, я же не знал... Думал – ничья... Ну вот и...

– ... решили продать культурно-художественную ценность, принадлежащую государству, так? Через Интернет? – продолжил Николай Николаевич.

– Ну да... Но я не знал... Думал, так, мусор какой-то...

– Ладно, об этом позже. Думаю, вы понимаете меру своей ответственности. Нас интересует только два вопроса: когда и где?

– Н-не понял...

– Ладно, давайте по разделениям. Итак: когда у вас оказалась эта шкатулка?

– Т-три дня назад...

– Хорошо. Три дня назад. У кого вы ее украли?

– Я-я нн-не крал! Я работал на ремонте, оторвал наличник, а она т-там.

– За наличником?

– Ну, д-да? А что мне теперь будет?

– Посмотрим. Значит, на ремонте, говоришь? Адрес?

Заплетающимся языком Славик назвал теткин адрес.

– Да нет, не этот. Где ты живешь, мы, как видишь, и так прекрасно знаем. Где ремонт был?

– Я н-не знаю адреса. Это в Голицынском переулке. Старый шестиэтажный дом напротив булочной.

– Квартира какая?

– Да там уже квартир нет. Всех переселили. На третьем этаже квартира трехкомнатная, вход направо с лестницы. Скажите, меня посадят?

– Ну что вы, Вячеслав Вадимович. У нас гуманное государство. Благодарю, что были с нами откровенны. Значит, за наличником, говорите?

– Да, за наличником.

– Хорошо, хорошо. Вы очень помогли следствию. Остались только небольшие формальности – ну там, протокол подписать, ну, сами понимаете. Может, вы прямо сейчас с нами проедете, чтобы завтра не вызывать, не отвлекать от ваших занятий? Вот и машина тут рядом. Как вы, а? Давайте, закончим все дело разом. Вы ведь никуда не торопитесь?

– Н-нет... А надолго?

– Да нет, что вы. Только туда – и обратно. Мы вас потом и до дому довезем. Вот Григорий и довезет. Гриш, доставишь молодого человека до дому? – обратился Николай Николаевич к водителю, подъехавшей машины.

– Доставлю, будьте благонадежны.

– Ну, вот и славненько. Располагайтесь, Вячеслав Вадимович. Гриша, трогай!

Криминальная хроника

– работа не для слабонервных. Нужно все время быть на стреме, и постоянно держать контакт с «нашим парнем» – специально прикормленным сотрудником доблестных органов, который загодя сливал информацию о поступивших в дежурную часть сигналах и случившихся в столице преступлениях. Получил горячий сигнал, ноги в руки, – и на место происшествия. Для этого всегда под парами стоял раздолбанный редакционный «Рафик» девяноста седьмого года. Оператора, кстати, тоже звали Рафик. Рафик Гарифуллин, прошу любить и жаловать!

Сигналы из «органов» приходили обычно в самые неподходящие моменты. Вот и сейчас, только Антон собрался было домой – и на тебе.

Мальчишки гуляли в лесополосе и наткнулись на труп. Сообщили родителям, те позвонили в милицию. Криминалисты выедут туда минут через двадцать, так что если поспешить, вполне можно успеть к самому началу. Старшим у них следователь Хримян, а он не прочь покрасоваться перед кинокамерой, так что проблем быть не должно.

«Наш парень» честно отработывал свое вознаграждение – телевизионный «Рафик» был на месте на четверть часа раньше полиции. Разыскивать долго не пришлось: на обочине маячила унылая фигура участкового. Субтильный юнец, на котором форма сидела как на пугале, приплясывал на холодном ветру, тщетно стараясь согреться.

Он что-то попытался возразить, увидев посторонних, выпрыгивающих из машины, но Антон сунул ему под нос удостоверение с крупной надписью «Пресса» и спросил, где труп.

– Не положено, – не уверенно пробормотал юный страж порядка.

– Э, да я смотрю, парень, ты совсем замерз? – сказал Антон. – Чего шинель не надел?

– Не успел. Днем тепло было...

– Так и воспаление получить недолго. Эй, Рафик, принеси куртку из салона! А ты, слышь, на-ка, согрейся, – Антон протянул стражу термос с кофе.

– Коньяком пахнет...

– Пей, пей, в лечебных целях.

– А закурить нет? – спросил воспрявший духом страж.

– Курить вредно! – Сказал Антон, доставая сигареты – но если тебя это не смущает...

Так где трупак-то?

– Да вон, – мотнул головой участковый, прикуривая. – Наверно, из машины выбросили...

В тени откоса, почти у самой обочины, действительно лежало что-то темное. Впрочем, шустрый Рафик уже давно все просек и теперь спускался под откос с аккумуляторным софитом и тяжелой камерой.

– Я взгляну – то ли спросил, то ли проинформировал участкового Антон и тоже стал спускаться.

Фигура в джинсах и темной куртке с капюшоном, скрывавшим голову, лежала ничком на влажной траве, которая казалась виниловой в голубоватом свете софита. Иметь дело с трупами Антону еще не приходилось, но он понимал, что от него требуется комментарий, сопровождаемый как можно более подробной картинкой места происшествия. В данном случае картинка была невыразительной: то ли убитый человек, то ли куча тряпья...

Антон откинул капюшон, прикрывавший голову трупа. Из-под капюшона показалась копна соломенного цвета волос.

– Да нет! – Антон и перевернул труп на спину.

Перед ним, в ярком луче софита, лежал тот самый курносый парень, который на днях продал ему шкатулку. Только теперь на его лице были темные пятна и кровоподтеки, голова безвольно откинута в сторону, а в открытых глазах запечатлелось недоумение.

Увидев знакомое лицо, Антон застыл в растерянности.

– Эй, заканчивайте, кажется муровцы едут – закричал сверху участковый. Вдалеке послышались звуки сирены.

Антон судорожно ощупал карманы убитого, но никаких документов там не нашел, только пара десятидолларовых купюр и новый плеер – последней модели, цифровой, с разными наворотами. Антон машинально нажал кнопку воспроизведения и услышал веселый голос, явно принадлежавший убитому пареньку: «Раз, раз, раз, проверка, проверка... во прикольно! Диана, я агент Купер... Прием!» Антон выбрал последнюю запись в списке и услышал треск, непонятные звуки, а потом – другой, сиплый и явно недружелюбный голос: «... Где ты ее спрятал? Отвечай!», затем звук смачного удара, вскрик и приглушенный голос «У меня ее нет... я ее про...»

Конец фразы заглушил звук сирены, которая рывкнула, казалось, над самым ухом. Рывкнула и замолкла. Деревья, стоявшие вдоль дороги, окрасились синими и красными всполохами. Быстро протерев плеер краем рубашки, и стараясь не прикасаться к нему пальцами, Антон засунул его в карман убитого. Вернув труп в первоначальное положение, стал карабкаться вверх по крутому откосу, где уже слышались голоса оперативников.

На обратном пути Антон был задумчив и молчалив. Перед глазами всё еще стояло лицо мёртвого парня. А в мозгу лихорадочной чередой крутились тревожные мысли.

Мальчишку, похоже, выкинули под откос из машины... Деньги остались при нем... и плеер, который грабители вполне могли бы продать... Значит, это не ограбление. Ни документов, ни мобильного не было – то ли не носил с собой, то ли забрали... искали контакты? Что за запись на плеере? Плеер, похоже, только что куплен, и парень осваивал его функции. Записал пробу голоса. Но что означала другая запись? Его пытали, хотели узнать какие-то сведения... О чем? Что их интересовало? «Где ты ее спрятал?» – что спрятал? А вдруг речь идет о той самой шкатулке? Его спрашивали, где он ее спрятал. А он ее не спрятал, он ее продал. Мне!

Так, спокойно... Что бы я сделал, если бы меня так спрашивали, да еще били?

Конечно, сказал бы, что я шкатулку продал, что у меня ее нет, то есть я тут ни при чем, и претензии ко мне предъявлять бессмысленно, лучше просто отпустить. Значит, он, скорее всего, рассказал им про меня. Значит, они вот так же могут и со мной... Может, надо было все рассказать следователю? Выходит, я мог бы быть свидетелем. Может быть, полиция стала бы меня охранять? Есть же какая-то программа по защите свидетелей... Или это в Штатах, не у нас...

И все из-за какой-то шкатулки за триста американских рублей? Которую он купил просто в качестве футляра для сережек? Из-за такой ерунды – убивать людей? Идти на «мокрое» – так, кажется, это называется? Н-да... Что-то тут концы с концами не сходятся... Или, может, это я себе просто навоображал? Может, это атмосфера «Криминальной хроники» так на меня подействовала? Может парень просто кусок какого-то боевика с телека на плеер записал, так, для пробы... Но ведь убили-то его на самом деле! И били перед этим, судя по ссадинам...

Придя домой, Антон сразу же кинулся искать шкатулку. В гостиной ее не было. В спальне – тоже. Другой комнатой он не пользовался – это был батин кабинет. Не было и на кухне. «Украли?» – подумал Антон, а затем хлопнул себя по лбу, – «Ну, конечно же!». Вернувшись домой после того, как он стал, сам того не желая, нечаянным очевидцем свидания Стаси с тем туристом на быюике, он машинально вытащил шкатулку, мешавшую в сумке, и отправил ее куда-то на стеллаж в прихожей, где лежали одежные щетки, лопаточки для обуви и прочие коридорные мелочи. Сунул на полку – и думать забыл.

И правда – шкатулка была здесь.

Антон отнес ее на кухонный стол, – самое освещенное место. Закрыв дверь, выключил бубнившее радио, зачем-то задернул жалюзи, сел рядом и начал рассматривать.

Первым делом он изучил барельефы на стенках. Отметил, что выполнены они виртуозно, хотя и в архаичной манере, тщательно отполированы. Выпуклое изображение мужской головы на крышке произвело на него неприятное ощущение – от этой головы веяло чем-то зловещим. Рядом были буквы, но они почти стерлись и прочесть их он не мог. Более всего его привлекло странное изображение двух воинов на одном коне. Неудобно, наверно, так ездить-то, – подумал он. – Что же тут такого, из-за чего можно человека убить?

Сфотографировав изображение на передней стороне шкатулки, Антон отправил его в гугловский распознаватель изображений. Гугл немедленно выдал целый реестр аналогичных картинок. Оказалось, что два вооруженных всадника на одном коне – это символ бедных рыцарей Храма Соломонова, то есть – тамплиеров. Такое скульптурное изображение возвышается на колонне в Лондонском Тампле. Тот же символ был изображен на печати тамплиеров. Значит, шкатулка, случайно приобретенная им через Интернет, принадлежала тамплиерам?

Ничего себе! Как же она попала в Москву?

«Да нет, не может быть, – подумал Антон. – Тамплиеры – это в Иерусалиме, может быть – в Париже. В Россию их имущество вряд ли могло попасть. Наверно, подделка. Надо внимательно посмотреть – зуб даю, где-то найдется маркировка «Made in China».

Покрутив хитроумный механизм замка, как показал ему продавец, и несколько раз открыв и закрыв шкатулку, Антон задумался. Сама по себе шкатулка как шкатулка, ничего необычного. Если это подделка – кто бы стал за ней охотиться? Кто бы стал из-за нее убивать? Это ж абсурд! Да даже если она и старинная, даже и тамплиерская. Может быть, она и стоит гораздо больше, чем он за нее отдал. Но ведь она пуста! Возможно, те, кто убили паренька с соломенными волосами, охотятся за содержимым? Может быть, тут хранилось что-то ценное? А может, парень действительно спрятал содержимое, а пустую коробку продал, чтобы от нее избавиться? А вдруг в шкатулке есть еще какой-то секрет? Полость у нее внутри явно меньше, чем внешние размеры. Хотя, может быть, просто толстые стенки...

Антон потряс шкатулку и прислушался. В ней было слышно какое-то дребезжание, слабое позвякивание металла о металл, наверно, это звякают мелкие детали запорного механизма.

Подумав еще немного, Антон взял кухонный нож и просунул в паз между тканью обивки и бронзовой стенкой шкатулки. Немного пошевелил, просунул нож с другой стороны, и почувствовал, что обивка поддается. Тогда он стал намеренно поддевать обивку ножом с разных сторон, а когда она немного отстала, перевернул открытую шкатулку вверх дном и постучал по днищу. Еще немного усилий, и из шкатулки выскочила вложенная в нее деревянная коробочка, на которой, собственно, и держалась бархатная обивка. Классическое двойное дно! Между дном деревянной внутренней коробочки и настоящим бронзовым дном можно было спрятать что-нибудь небольшое, плоское. Ага, так и есть: на дне притаилась темного цвета дощечка. Точнее, это были две дощечки, соединенные между собой. Разъединив их, Антон увидел, что внутри они представляют собой нечто вроде плоских корытца, середина которых выдолблена и заполнена красным воском. А на воске нацарапаны буквы!

Это была настоящая многоцветная записная книжка в деревянной обложке! «Похоже, шкатулка все-таки старинная. Может даже тамплиерская» – подумал Антон, разглядывая написанные на воске буквы. Надпись была достаточно четкая, только кое-где смазанная. Благо, буквы знакомые, латинские – он перекопировал их на лист бумаги и попытался прочесть.

*Honorable imago verum Deus
et puritatem sanctum baptis meus
tenentur ad tueri et servare
etiam cum mortem temporare*

*Ubi sol latet sub montem iuxta ulmo sacra
potest modo devota frater et macra
qui honorifice confectus funem Baptista
et qui honorat verum caput Christi*

*Nunquam non etiam famam et argentia
te non producit Divinae Sapientia
que non subjectum tempore et letis
quod revereri nos sub nomen sacrum Bapho Metis*

Латынью Антон, понятное дело, не владел. Но, слава Гаруде, у нас есть Интернет! Антон быстренько набрал текст и выложил его на форум, где тусовались спецы по всяким экзотическим языкам. Стоит ли искать сложных путей, если есть простые?

Действительно, и часа не прошло, как один завсегдатай форума прислал перевод. Язык действительно оказался латынью, или «кухонной латынью», как выразился спец, а текст – стихами следующего содержания:

*Честной образ Бога истинного
и чистоту святого крещения
должен я защищать и сохранять
не страшась даже смерти*

*Где солнце спрятано под горой возле священного вяза
То место да откроется брату благочестивому и бедному,
кто с честью носит препоясание Крестителя
И почитает истинного Христа*

*Даже ради славы и серебра
не предавай Премудрости Божией,
которая не подвластна времени и смерти
и которую мы чтим под священным именем Бафомета*

Абракадабра какая-то! Что бы это значило? Что за священный вяз, кто такой Бафомет? И кто вообще такие – эти тамплиеры?

Антон не привык отступать перед трудностями, он был профессионал, а профессиональный журналист всегда найдет способ выяснить все до самого конца.

И он погрузился в Интернет, забыв о времени.

Орден Тамплиеров

Орден тамплиеров был создан во время крестовых походов, первоначально для охраны паломников, прибывавших в Святую землю. Впоследствии Орден разросся и превратился в настоящую армию. Рыцари-тамплиеры славились своей стойкостью и отвагой. Они предпочитали погибнуть, но не сдаваться. Двести лет они верой и правдой сражались с неверными, получая в награду за свои подвиги замки и поместья, доходы от которых должны были покрывать издержки, связанные с ведением боевых операций.

Со временем тамплиеры приобрели огромное влияние и несметные богатства. При этом они не подчинялись никому из светских владык, а только лично папе Римскому. Влияние тамплиеров было столь велико, что английский и французский короли доверяли им на хранение государственную казну.

Постоянно нуждавшиеся в деньгах, европейские монархи частенько одалживались у «бедных рыцарей Храма Соломона», как официально называли себя тамплиеры, и были их постоянными должниками. Конечно, короли и герцоги завидовали независимости и богатству Ордена.

И вот, в начале XIV века французский король Филипп IV и римский папа Климент V вдруг объявили тамплиеров еретиками и отступниками от христианской веры и санкционировали их массовые аресты во всех государствах Европы, прежде всего во Франции, где в то время находилась штаб-квартира Ордена. По приказу короля, чтобы не дать тамплиерам убежать, а главное – вывезти накопленные Орденом сокровища, аресты по всей стране были произведены в один день – 13 октября, в пятницу.

«Вот она откуда, пятница тринадцатое!» – подумал Антон.

Любопытно, что даже проявленная предусмотрительность не помогла Филиппу Красивому добиться цели. Самых-то тамплиеров схватили, подвергли пыткам и судили, а потом сожгли на Еврейском острове в Париже. Но их несметные сокровища так и не были найдены, как будто растворились в воздухе. Кто только их с тех пор не искал! И все бесполезно.

Загадочная история!

Много в ней странного. Отчего так резко, почти в одночасье, изменилась судьба могущественного Ордена? Неужели все это – только из-за денег? Или король и папа позарились на что-то большее?

В Интернете оказалась масса предположений на этот счет.

По одной из версий тамплиеры завладели на Востоке какой-то священной реликвией – то ли ковчегом Завета, то ли Туринской Плащаницей, то ли Святым Граалем, то ли копьем Судьбы, которым, согласно Евангелию, римский сотник пронзил Христа. И что именно обладание какой-то из этих реликвий в короткий срок принесло Ордену необычайную удачу, влияние и богатство.

Может быть, именно эта священная реликвия и прельстила французского короля?

Но как это выяснишь, ведь с тех пор прошло столько веков...

Хотя... Как ни удивительно, Франция в четырнадцатом веке уже была правовым государством. Процесс над Орденом храма скрупулезно протоколировался, сохранилось огромное количество записей допросов, вердикты, выносимые многочисленными судами, как церковными, так и гражданскими, в которых подробно перечислялись все пункты выдвигаемого против рыцарей обвинения. И эти документы можно найти и прочесть!

Погрузившись в средневековые документы, Антон обнаружил, что ни Плащаница, ни «копье судьбы», ни ковчег, ни даже Святой Грааль средневековых следователей не интересовали. Во всяком случае по поводу этих предметов арестованным вопросов не задавали. А интересовал их совсем другой предмет – некая таинственная голова, в одних документах именуе-

мая «Бафометом», в других – «идолом», в третьих – просто «головой», в иных – «Сатаной». Ну и еще золото, само собой...

Из материалов следствия со всей очевидностью вытекало, что в Ордене существовал культ «священной головы», регулярно отправлялись обряды поклонения этой святыне, над ней приносили клятвы неофиты, вступающие в Орден.

Вот этой головой, и интересовались следователи более всего, трактуя культ поклонения ей как свидетельство ереси и идолопоклонства. Этот вопрос задавали они всем свидетелям.

Большинство тамплиеров отказывались отвечать на вопрос о таинственном артефакте. Но среди допрошенных были люди, хотя и имевшие отношение к Ордену, однако не приносившие обетов, то есть не являвшиеся рыцарями. Это были так сказать, гражданские лица, работавшие на Орден за вознаграждение, выполнявшие разные хозяйственные и другие работы – архитекторы, юристы, врачи, кузнецы, повара и другие. Они, каждый день соприкасаясь с тамплиерами, много о них знали. И, не будучи связанными присягой, не считали нужным скрывать эту информацию от дознавателей.

Хотя свидетели и расходились в деталях, историю они рассказывали практически одну и ту же. И история эта была весьма деликатного свойства.

Начинается эта история с того, что некий рыцарь воспылал страстью к замужней даме, которая, будучи благочестивой, не отвечала ему взаимностью. Когда дама безвременно умерла, распаленный похотью рыцарь воспринял это обстоятельство не как окончательный крах своих мечтаний, а совсем наоборот – как возможность их осуществить. Под покровом ночи он выкапывает тело своей возлюбленной и удовлетворяет с ее холодным телом свою страсть. А когда уже собирается уходить, – слышит таинственный голос, который требует, чтобы через положенный срок, когда женщина должна родить, он опять явился в это место и выкопал из могилы младенца – плод своей любви. И вот, девять месяцев спустя, рыцарь вновь раскапывает могилу возлюбленной, находит там... мертворожденное дитя, и, согласно велению таинственного голоса, отделяет от него голову, поскольку голос говорит ему, что покуда эта голова будет храниться у него, он будет непобедим и никогда не будет знать нужды и бедности. Но как только он утратит голову – все беды разом обрушатся на него.

Такие показания перед папской комиссией дали свидетели Гийом Апрель из диоцеза Клермон, Гуго де Фор, нотариус Антонио ди Верчелли, и другие. Они называли разные имена участников событий, но все как один указывали на место происшествия – остров Ис в заливе Саталия.

Истории, рассказанные свидетелями, показались Антону абсурдными. Не были ли они рассказаны под давлением судей, явно чрезвычайно интересовавшихся любыми сведениями, связанными с таинственным артефактом? Вот если бы можно было найти какие-то упоминания об этом других людей, не подвергавшихся допросу! А лучше всего, записанных во времена, когда Орден еще был в силе и ему ничто не угрожало.

Весь следующий день, обложившись книгами средневековых авторов, какие только можно было раздобыть в русских переводах, Антон провел в Ленинке.

И старания его оказались не напрасны.

Он нашел практически ту же самую историю с небольшими вариациями в трех независимых друг от друга источниках: в записках Гервасия Тилберийского, в летописи Роже Гоуденского, в том ее месте, где рассказывается о возвращении Филиппа II из Палестины, и в «Интерии короля Ричарда», принадлежащем перу Уолтера Мэпа. Все эти авторы жили лет за сто до репрессий, обрушившихся на Орден. Очевидно, никто не тянул их за язык – они зафиксировали какие-то циркулировавшие в их время слухи.

В рассказах всех трех авторов фигурировал акт некрофилии, от которого рождается таинственная голова, и чудесные свойства этой головы, дающие ее обладателю власть над людьми,

победу и процветание. Причем все три автора тоже указали на залив Саталия как на место, где завершилась эта история.

Наверно, подумал Антон, раз уж странная история с инфернальной головой, разыгравшаяся на берегах Саталии, стала известна западноевропейским авторам, то уж среди местных жителей она наверняка должна иметь хождение. Если взять у них интервью – из этого получился бы неплохой материал, как раз такой, какой хочет от него получить шеф – загадочный, романтический и отвлекающий зрителя от серых будней.

И кто знает, может быть, это даст ключ к разгадке тайны тамплиерского Бафомета? Ведь дыма без огня не бывает – Антон знал это как опытный боец информационного фронта.

Значит, дело за малым: узнать, где находится залив Саталия, и выпросить у шефа командировку.

Саталия

Результаты поиска в Гугле обескураживали: среди заливов на всем земном шаре никакой Саталии не числилось! Да и вообще такого названия в восточном Средиземноморье обнаружить не удалось.

Может, это какое-то мифическое, вымышленное название?

А может – искажение от слова «Сатана»? Ведь тамплиеров обвиняли в том, что они поклонялись Сатане в образе Бафомета или таинственной головы. Если пользоваться средневековым готическим шрифтом, да еще не ставить все точки над «i», как делали некоторые средневековые переписчики, то очень легко принять слова: «satan» за «satali». Если это действительно искажение, то бесполезно ползать с лупой по атласу...

Антон уже, было, совсем отчаялся, как вдруг на одном туристическом сайте наткнулся на искомое название.

Путеводитель по Турции, взяв хлеб расписывая прелести отдыха в районе Анатолийского побережья, информировал, что в этом месте в 159 году до н. э. пергамским царем Атталом Вторым был построен прекрасный город, названный в честь царя Атталеей. Во времена крестовых походов город был захвачен крестоносцами, которые назвали его... Саталией!

В 13-м веке город захватили турки и султан Алаэддин Кейкуб сделал его своей зимней резиденцией, дав ему его нынешнее название – Анталья (искаженное от греческого «Анатолия»).

– Вот это да! – изумился Антон, – таинственная Саталия тамплиеров – это никакой не Сатана, это всего лишь Анталья, излюбленное место отдыха российских туристов! «Тагил!» Ну, так это совсем просто! У телеканала в Турции есть корпункт. Достаточно позвонить туда – и коллеги за пару дней соберут нужную информацию и возьмут интервью у аборигенов.

Сказано-сделано. Коллеги из корпункта поначалу взялись за дело с энтузиазмом. На второй день их оптимизм заметно поубавился.

– Ты представляешь себе, что такое Анталья летом? Здесь обитают в основном туристы – русские, немцы, поляки, шотландцы. Местные, главным образом, заняты в своих теплицах, на плантациях мандаринов и бананов. Историей они не интересуются и интервью дают неохотно – у них своих дел полно. Они даже в море не купаются и на пляже не загорают – некогда. Многие приезжают сюда из внутренних районов страны ради сезонного заработка. Да и вообще, если подумать, турки пришли в эти места уже после тамплиеров, вытеснив местных жителей. Если здесь и существовали раньше какие-то легенды, связанные с таинственной головой, они могли уйти в небытие вместе с их носителями.

К тому же, ты ведь говорил, что события произошли на каком-то острове. Но в заливе Анталья никаких островов нет вообще!

Короче, помочь ничем не можем – про Анталию много всяких легенд рассказывают, но легенд про волшебную голову среди них не значится.

Облом! А он уже собрался шефу предложить эту тему в качестве своего нового проекта. Даже шкатулку на работу притащил – ее можно было бы неплохо обыграть в фильме про Бафомета.

А теперь вновь придется погрузиться в будни «Криминальной хроники»...

Ближе к вечеру из корпункта опять перезвонили, и сказали, что нашли авторитетного специалиста из Археологического музея Анталии. «Уж кто-кто, а доктор Озгюр точно все знает», – заверили его. И Антон сразу перезвонил по любезно предоставленному коллегами телефону.

Доктор Озгюр оказалась женщиной, судя по голосу, немолодой. Она говорила по-русски с забавным акцентом и обладала прекрасным чувством юмора. Самое ценное, что доктор была местной уроженкой – три поколения ее предков жили в Анталье.

Она подтвердила, что легенда о зловещей голове ей не знакома. Однако, – сказала она, – для средиземноморского региона характерен «топонимический параллелизм». В древности почему-то очень любили давать разным городам или местностям одинаковые названия. Одних только Александрий, оказывается, существовало шестнадцать! Испанский город Картахена – то же, что Карфаген в Африке. Второй по величине город Ливана называется Триполи, а столица Ливии – тоже Триполи. И таких примеров множество. Понимаете к чему я клоню? – спросила ученая дама.

– Если честно, не очень.

– Дело в том, что название Саталия, почему-то излюбленное крестоносцами, было присвоено ими не только Анталье. В Средние века существовал еще один город с тем же названием. Он находился на острове Эвбея, втором по величине греческом острове, в самом центре Греции. В те времена этот остров называли Негропонте.

– То есть, – переспросил Антон, – Саталия имеется и в Греции?

– Вот именно! Причем, скорее всего, именно греческая Саталия и имела отношения к тамплиерам. Это место было преподнесено Ордену в качестве платы за его участие в Четвертом крестовом походе. При том, вы же говорили про остров, а Эвбея – это остров, да и по соседству с ней находится множество обитаемых и необитаемых островов разной величины. Так что ваша история имела все шансы случиться именно там, на Эвбее.

Поблагодарив доктора Озгюр за полезную информацию, Антон кинулся звонить в афинский корпункт, но там никто не взял трубку.

По дороге домой Антон прокручивал в голове идею будущего фильма-исследования. Фильм будет называться «Бафомет». Сначала надо пустить панораму пустынного залива, окруженного темными скалами (снимать вечером с теневой стороны на фоне закатного неба – скалы будут казаться почти черными). Потом – интервью с суровыми греческими рыбаками, рассказывающими историю про мертворожденную голову. Затем – нарезку из исторических фильмов про крестовые походы, на фоне которой пойдет авторский текст о чудесном возвышении, расцвете и падении Ордена тамплиеров, в которую можно включить игровые сцены обряда поклонения Бафомету в образе ужасной мертвой головы (если, конечно, бюджет позволит). Ну, и, наконец – рассказ о страшной участи последних тамплиеров и загадке исчезновения их нечестивой святыни – Бафомета. Здесь как раз можно было бы эффектно показать шкатулку с изображением мертвой головы на крышке, и обыграть находку таинственной восковой надписи, спрятанной под двойным дном. Это будет и интересно и поучительно – настоящая видеоприписка про опасности, которые может нести заигрывание с нечистой силой. И про...

Превратности судьбы

Пребывая во власти творческого процесса, Антон не заметил, как оказался у двери своего дома. Он машинально вынул ключ, открыл дверь и щелкнул выключателем. И на секунду засомневался, в свою ли квартиру попал.

Здесь все было перевернуто вверх дном, одежда выброшена из платяного шкафа, даже постельное белье валялось на полу.

У него подкосились ноги. Он опустился на ближайший стул, растерянно оглядывая комнату, показавшуюся вдруг чужой.

Ничего себе – подумал Антон, – похоже, дело-то серьезнее, чем я предполагал. Или это просто жулики?

Чтобы это проверить, он выдвинул незапертый ящик бюро и увидел там пачку денег и несколько кредиток.

Нет, это не жулики, – понял он. – Дело принимает плохой оборот. Кто и что тут мог искать? Что такого у меня может быть ценного, чтобы ради этого идти на явную уголовщину?

Шкатулка! Шкатулка тамплиеров! Вот что они искали.

Это те же люди, что пытали, а затем убили того паренька. Его ведь убили тоже из-за шкатулки!

Быстро же они на меня вышли!

Как им это удалось? Отследили звонок, наверно?

Не это сейчас главное. Важно не КАК они меня нашли, важно – ЧТО они собираются делать? Если они убили того парня – могут убить и меня. А перед этим – пытаться!

Антон передернуло. Он почувствовал, как по спине ползет липкий страх. Никогда не считал себя трусом, но сейчас ему было реально страшно.

«Они» здесь были! Значит, могут прийти еще раз – теперь уже конкретно за мной. Шкатулку они не нашли – значит, попытаются выбить из меня, где я ее держу. Оставаться здесь опасно! Тем более, вряд ли я смогу теперь уснуть.

Он вынул из бюро документы и деньги, какие там были, кинул в дорожную сумку бритву, смену белья, джинсы, несколько рубашек – и выскочил из квартиры, перебирая в уме варианты, куда мог бы пойти, на ночь глядя.

Наиболее подходящим вариантом ему показался Рафик. Парень надежный, без заскоков, вроде бы не болтливый. Они неплохо сработались. Если ему рассказать все, должен понять. Он ведь уже больше года в «Криминальной хронике», и не такое видал.

Рафик встретил его радушно, предложил коньяку, а выслушав его историю, сказал, что Антон может оставаться у него сколько хочет, и что завтра же он подключит знакомых из полиции, чтобы они пробили по своим каналам, кто мог совершить налет.

– А лучше бы тебе на время убраться из страны, – сказал Рафик, немного подумав. – Полиция полицией, но если кто-то имеет серьезные намерения, полиция вряд ли поможет. Это все-таки Россия. И кто знает, чьи интересы представляют эти люди.

– Пожалуй, ты прав, – сказал Антон, – кстати, я тут один проект обдумывал – там как раз требуются натурные съемки в Греции. Но мне нужен оператор. Поедешь со мной?

– В Грецию? На халяву? Кто ж откажется?

– А не боишься? Я ведь теперь вроде как источник повышенной опасности...

– Ну, раз уж ты в моем доме – мы теперь, считай, одной веревкой повязаны. Выпьем! И они выпили.

Паче чаяния шеф отнесся к идее Антона положительно.

– Вот и молодец, – сказал он, – я знал, что ты сможешь. Вот что-то такое нам как раз и нужно. Если проект удастся – можно будет подумать о серии передач. А почему нет? Вон, «НТВ» регулярно такие программы выпускает – и у них неплохой рейтинг. Думаю, рекламодатели будут довольны. Так что – ноги в руки, и вперед! И Рафика даже, скрепя сердце, тебе отдаю. Парню надо развиваться, не все ж ему жмуров снимать. Бремер себе кого-нибудь найдет.

«Не было бы счастья – да несчастье помогло», – подумал Антон и, обменявшись с шефом обоюдным неискренним рукопожатием, поспешил обрадовать Рафика.

– Ура! – заорал обычно спокойный Рафик, – к черту Бремера! Да здравствует Греция!

Через несколько часов лобастый «Боинг» вознес обоих в облака.

Таверна «Кабури»

Греция встретила их негостеприимно: сначала греки не хотели сажать самолет из-за забастовки авиадиспетчеров, потом оказалось, что бастуют и транспортники. Зато на улицах было много желающих отвезти путешественников куда угодно: кризис заставил обычно ленивых греков искать любые источники дохода. Через час по Новохалкидскому мосту они преодолели пролив Эврип, отделяющий Эвбею от материковой Греции.

Антон решил не тратить время на крупные города, наводненные разноязыкой толпой туристов. Благо, на Эвбее много маленьких городков и рыбацких деревушек, в которых время будто остановилось, так что нелегко было понять, какой нынче век на дворе.

Объяснить толком, какой город в древности назывался Саталией, им, правда, никто не смог. Солнце клонилось к закату, улицы городка с труднопроизносимым названием, в который они въехали, были практически безлюдны. Единственный, кого они встретили, оказался носатый парень в белоснежной полицейской форме.

– Хотите услышать местные легенды? – улыбаясь переспросил он. – Рекомендую вам посетить таверну «Кабури». Там обычно собираются рыбаки и рассказывают разные небылицы. Наслушаетесь вдоволь. Вы где остановились?

– Пока нигде. Мы путешествуем.

– Ну, заночевать-то вам все равно где-то нужно. Могу подсказать одно местечко. Спуститесь по этой улице, до перекрестка, потом сверните направо, на улицу святого Николая, и дойдите до церкви. Отсчитайте третий дом после церкви по правой стороне – там живет моя тетка, мадам Елена, скажете ей, что вас Георгий прислал. Вы там хорошо отдохнете за вполне разумную плату.

Поблагодарив разговорчивого полицейского, они отправились в «Кабури»¹, вход в который украшала большая фреска с изображением краба.

Посетителей было немного. Тучный бармен с лукавым лицом Силена дремал за стойкой. Увидев иностранцев, он расплылся в улыбке, и, накинув на руку полотенце, бросился их усаживать. К счастью, бармен достаточно хорошо владел английским, и Антону удалось растолковать ему цель визита.

– О, вы пришли как раз туда, куда нужно, уважаемые! Здесь вы услышите такие легенды и истории, которых нигде не услышите. Рыбаки рассказывают их уже много веков. Вот взять хотя бы Димитриоса Святошу. Эй, Димитриос, иди-ка сюда! Не слышал ли ты историю про мертворожденную голову?

– Кто же не знает историю про голову? – важно сказал Димитриос. – Надеюсь, господа не откажут мне в кружечке ксиномавро²?

Антон утвердительно кивнул бармену и дал знак Рафику приготовиться к съемке.

– Эта история произошла в незапамятные времена, – начал Димитриос, отхлебнув вина из глиняной кружки, – в те времена, когда Грецию захватили папские рыцари. Со святой земли-то их турки повыбили, вот они и пришли сюда, нас грабить. Им ведь папа за деньги любые грехи отпускал – так что творили они все, что хотели. И вот один из рыцарей возжелал одной знатной дамы. Но та дама смотрела на него с презрением, поскольку была замужем за важным графом, а этот был простым бедным рыцарем. Ему бы забыть про нее, ан нет – вбил себе в башку, что без нее не будет ему счастья. А та дама возьми да помри во цвете лет! Ну, похоронили ее честь по чести. А ночью является на кладбище тот рыцарь с двумя могильщиками, выкапывает гроб,

---

¹ Краб (греч.)

² Сорт греческого вина.

да прямо там в гробу и совершает это самое, прости меня Господи и да поможет мне святой Николай. И только он с этим покончил, раздается вдруг голос...

Антон одобрительно посмотрел на Рафика, снимавшего крупный план рассказчика, оседлавшего любимого конька.

Рассказ оказался тем самым, ради чего они сюда и приехали. Посетителей в таверне становилось больше. По городку поползли слухи, что в «Кабури» снимают кино, благодаря чему наплыв посетителей был больше обычного. Бармен довольно потирал руки и все больше расплывался в улыбке.

— ... А было тому рыцарю сказано, что всякий, взглянувший в лицо той голове, мученически умрет. Поэтому он всегда держал ее завернутой в платок в особом ковчежце, и настрого запретил кому бы то ни было отпирать этот ковчежец. И только перед боем извлекал ту чертову голову наружу и обращал ее лицом к врагам — и тех словно какая-то сила начинала косить одного за другим, а он всегда оставался невредимым.

Но вот однажды плыл он на корабле, сон его сморил. А его слуга возьми да и полюбопытствуй: что это хозяин держит в сундучке и никому не показывает? Вынул он голову, взглянул на нее — и упал замертво. Подошли другие, кто был тут же — и тоже все попадали. Тогда капитан, видя такое дело, накинул, не глядя, на ту голову мешок, да и швырнул за борт. И говорят, в том месте исчезла вся рыба. А рыцарь в короткий срок разорился, и в первом же сражении его сразил камень, пущенный из сарацинской пращи.

А еще говорят, когда эта голова запрокинута, то в заливе поднимается страшная буря и ни один корабль не может его пересечь. Когда же голова лежит навзничь, на поверхности наступает штиль, — завершил свое повествование Димитриос в наступившей тишине.

Это была удача!

Выпив напоследок метаксы³ и побратавшись с барменом, Антон с Рафиком провели остаток ночи в гостеприимном домике матушки Елены, а рано поутру двинулись дальше.

История о мертворожденной голове была известна едва ли не во всех концах острова Эвбея, во всяком случае, в прибрежных городках и деревушках, через которые они проезжали. Было заснято часов пять интервью со старожилами, знающими эту историю. Конечно, за интервью прижимистые греки просили денег, но результат того стоил. Каждый из рассказчиков выдавал свою версию истории, добавляя к ней красочные детали и собственные соображения. Да это и понятно: история как раз из тех, какие в старые времена, да и сейчас, любят рассказывать рыбаки, собираясь за стаканчиком вина по вечерам.

В одном из городков их привели в дом деревенского учителя, знатока здешних мест. Он показал старинную карту, на которой были обозначены целых две Саталии: Старая Саталия, построенная неизвестно кем в незапамятные времена и Новая Саталия. Ее построил в середине XII века император Мануил⁴ для защиты от пиратских набегов. Оба города стояли на берегах обширного залива. В этом заливе, согласно легенде, и была утоплена чудовищная мертворожденная голова. Сегодня на месте древней Саталии располагается деревушка, которая так и называется: «Кефалес», что по-гречески означает не что иное, как «Голова».

Кефалес оказался прелестной деревушкой с очень гостеприимными жителями. Они пробыли там пару дней, снимая панорамы залива, на дне которого, согласно легенде, покоится зловещая голова, плод преступной любви средневекового некрофила.

— Послушай, — сказал Рафик, глядя на заходящее солнце, окрасившее прибрежные скалы и морскую гладь в кровавые тона, — а ведь это не та голова.

— Что значит «не та»?

---

³ Сорт греческого бренди.

⁴ Мануил I Комнин (1118—1180), византийский император.

– Ну как... Ты же говорил, что культ Бафомета отправлялся тамплиерами вплоть до самого их ареста? И все это время они поклонялись мертвой голове.

– Ну да, это был основной пункт обвинения против Ордена.

– Но как они могли поклоняться этой голове, если голова – на дне залива, причем это случилось никак не позднее конца XII века, а то и раньше? Ведь уже тогда эта легенда имела хождение и была записана в хрониках.

– Мм-да... – согласился Антон. – Как-то я это упустил. Очевидно, что голова тамплиеров – это что-то другое... Жаль. Красивая была версия...

Всем была бы хороша деревушка Кефалес, если бы не один недостаток. Стояла она в таком глухом углу острова, где на всю округу приходилась только одна заправка, да и в той, как оказалось, бензина не было. А путь предстоял неблизкий.

Ничего не оставалось делать, как понадеяться на удачу.

За руль сел Рафик, а Антон пристроился на заднем сидении с планшетником. Дорога петляла между скал, время от времени открывая изумительные морские пейзажи.

– А, шайтан, – в сердцах ругнулся Рафик.

– Что ещё? – спросил Антон.

– Да бензин почти по нулям.

– Может, дотянем до ближайшей заправки?

– Ну, деваться-то все равно некуда. Авось пронесет.

Не пронесло. Минут через двадцать мотор начал чихать, а потом глохнуть. До ближайшей заправки, судя по карте, было еще около получаса. Выйдя из машины и, от нечего делать, попинав колеса, Рафик пошел к откосу – отлить. Антон вышел на дорогу – тормозить попутку. Может, кто бензином поделится, или подвезет. Однако в этом месте, похоже, попутка была такой же редкостью, как и дождь.

– Ура! – раздался довольный голос Рафика.

– Ты чего? – удивился Антон.

– Садись в машину, щас мигом домчу.

– Ты бензином что ли помочился?

– Ну и шутки у вас, сэр, – обиделся Рафик. – Будем использовать силу всемирного тяготения.

– Ну ладно, сел. Что дальше?

– А теперь держись крепче.

На остатках бензина Рафик проехал немного назад, и свернул на неприметную грунтовку, уходящую куда-то вниз, к морю. Дорога была хотя и каменистая, но достаточно пологая, чтобы можно было не зажмуривать глаза, как на американских горках. Сила тяжести толкала машину вниз безо всякого топлива, оставалось только ее притормаживать, чтобы не слишком разогналась.

– Не робей, не своя машина, прокатная, – приговаривал Рафик, ловко огибая ухабы.

Очередной раз русский «авось» сработал.

Спустя несколько минут, при помощи гравитации и этакой матери, они торжественно въехали на пустырь возле приземистой бело-синей церкви, стоящей на окраине деревушки, растянувшейся узкой полосой вдоль морского побережья.

Поскольку в пределах видимости ни одной живой души замечено не было, за исключением кур, возившихся в пыли и бестолково бегающих одна за другой, путешественники решили зайти в церковь – в надежде встретить там кого-нибудь, кто мог бы им помочь, или хотя бы найти воды – уж очень пить хотелось.

Церковь внутри казалась гораздо больше, чем снаружи. Потолок ее был сильно закопчен, но можно было различить лик Христа, укоризненно взирающего на землю из середины купола. Слева от входа, под лестницей, стоял бак с краником, а рядом на цепи – кружка.

– Святая вода, – сказал Антон, налил полную кружку и с наслаждением выпил. Вода была неожиданно прохладной. Рафик, чуть помешкав, тоже последовал его примеру. В церкви, вроде бы, никого не было. Слева у окна висело большое распятие, накрытое сверху черной кружевной накидкой. Основание распятия представляло собой что-то вроде скалы, у подножия которой возлежал большой, едва не в натуральную величину, крашенный белой краской череп, а возле него подвявшие цветы.

– Смотри: голова! – зачарованно пробормотал Рафик, указывая на череп.

– Точно! – отозвался Антон, – голова. Причем, являющаяся объектом поклонения!

– Так может эти парни, тамплиеры, этой голове и поклонялись? – предположил Рафик.

– Возможно, ты прав, коллега, – отозвался Антон. – Видишь, как труд прямо на глазах делает из тебя человека?

– А чья это голова? Иисуса?

– Ну уж! Иисус-то вон, сверху прибит. И его голова на месте.

– Может это просто символ смерти?

– Так ведь Христос не умер – он же воскрес. И, кажется, вознесся на небо. Вместе с головой, конечно. Так и в молитве какой-то говорится: «смертию смерть поправ».

– Как ты сказал? «Смертию смерть...»? А вот глянь: сверху на кресте мертвый Иисус, то есть – смерть. А под крестом череп – символ смерти. Получается, что Иисус смертью попирает смерть. Поскольку минус на минус дает плюс, он преодолел смерть и воскрес. Скажешь, не так?

– Не знаю. Надо бы спросить кого.

– Ауто поу упостеризон, та пайдиа мою?⁵, – раздался надтреснутый старческий голос, заставивший их вздрогнуть.

Обернувшись, они увидели благообразного старичка в черном балахоне с крестом на цепи и в прикольной шапочке, похожей на ведро.

– Поп, – сказал Рафик. – Что он говорит?

– Не понял я, что-то про авто. Наверно спрашивает, какой козел машину на газон поставил, – ответил Антон, и продолжил, обращаясь к священнику:

– Вы простите нас, святой отец, мы честное слово не хотели, так получилось. Бензин кончился, тут уж не выбираешь, газон – не газон. Как только заправимся – уберем свою тачку. Может, вы подскажете, где можно бензином разжиться?

– Бензинэ? Наи, ме бензинэ тора то проблемэ. Э кризэ.⁶

– Ну да, с бензином проблема, кризис, правильно. А можно тогда поинтересоваться, святой отец, вот это – что за голова? – спросил Рафик, указывая пальцем на череп у подножия распятия.

– Аутэ эйнаи э себасмиа кефали тоу протон антропоу Адам⁷ – пожав плечами, ответил священник.

– Адам? Я не ослышался? Это – голова Адама?

– Адам, Адам, нэ – заверил священник.

В ходе дальнейших переговоров, сделав пожертвование в пользу церкви, путешественники получили канистру бензина (вполне достаточно, чтобы добраться до заправки) и, поблагодарив гостеприимного священника и Эллинскую православную церковь, двинулись в путь. На Эвбее им делать больше нечего. Теперь их путь лежал в...

---

⁵ О чем спорим, дети мои (греч.)

⁶ Бензин? Да, с бензином проблемы. Кризис (греч.)

⁷ Сие есть честная глава первого человека Адама (греч.)

Иерусалим

– Иерусалим? Ты уверен? – удивленно спросил Рафик.

– Именно! – сказал Антон, тыкая пальцем в планшетник. – Как я сразу-то не догадался! Это же элементарно! Один из главных артефактов христианства – это голова Адама. Она изображается на всех распятиях. А почему? Адам похоронен под Голгофой – той самой горой, на которой был впоследствии распят Христос. А Голгофа находится в Иерусалиме.

Знаешь, что означает это название – Голгофа? По-арамейски Гулгалта означает буквально «череп», то есть – «мертвая голова». То есть – голова Адама!

А где был основан орден тамплиеров? В Иерусалиме! И есть свидетельства того, что тамплиеры в самом начале своего существования, что-то там копали. Что они могли искать под землей?

– Голову Адама?

– Ну, раз под Голгофой погребена голова Адама...

– Значит, мы должны искать свидетельства того, что тамплиеры нашли голову Адама?

– Ну да, а сделать это мы можем только в Иерусалиме.

В аэропорту Бен-Гурион их встретили коллеги из Тель-Авивского корпункта и отвезли в гостиницу в западной части Иерусалима, из которой можно пешком добраться до исторического центра. Утром, пока город не превратился в пекло, Антон с Рафиком двинулись к Голгофе.

Их путь пролегал по узкой, мощеной брусчаткой кривой улице, именуемой «Via dolorosa» – Дорога скорби. Если верить путеводителю, именно по этой дороге две тысячи лет назад Иисус совершал свой последний путь, путь на Голгофу.

Несмотря на ранний час, по Дороге скорби тянулись вереницы паломников и просто туристов. Здесь они встретили целую процессию: немолодой мужчина нес на себе тяжелый деревянный крест в сопровождении еще нескольких мужчин, женщин и детей.

За очередным изгибом улица проходила мимо Нотр Дам де Сион – католического женского монастыря Сионской Богоматери. Бойкий гид на ломанном английском объяснял проходившей мимо группе туристов, что в древности на этом месте располагался *преторий*, то есть римская комендатура. Именно здесь Иисуса допрашивал Понтий Пилат, исполнявший в те поры должность префекта претория, и здесь же, во дворе комендатуры, римская солдатня глумилась над Спасителем.

После монастыря дорога стала поуже и круто повернула влево. Согласно преданию, на этом повороте стояла Богоматерь, оплакивая своего сына, ведомого на казнь. Дальше скорбный путь шел прямо, а затем круто сворачивал вправо, в гору. Здесь, в месте поворота, как рассказывали разноязыкие гиды, Симон Кириянин принял крест из рук изнемогшего Иисуса и нес его остаток пути.

Во времена Христа путь выходил за пределы города через Судные ворота, от которых теперь остался только порог. Сразу за этим порогом дорога круто взбиралась в гору, петляя по закоулкам средневековых улиц. Идти становилось трудно, да и солнце начинало припекать. А ведь приходилось еще тащить с собой аппаратуру.

И вот, наконец, впереди открылись два соединенных между собой храма – католический и православный, к которым вела крутая лестница.

– А где же Голгофа? – удивился Рафик.

– Да вот же она, – сказала по-русски женщина с просветленным лицом и указала куда-то внутрь храма.

Голгофа оказалась совсем не тем, что они ожидали увидеть. Под каменным сводом, с которого свисало множество разноцветных лампад, располагался высокий алтарь, увенчанный распятием. С обеих сторон от алтаря в мозаичном мраморном полу были оставлены отверстия, в которых виднелась темно-серая поверхность природного камня – часть вершины Голгофы с пересекающей её глубокой расселиной.

Согласно преданию, когда совершилось чудовищное злодеяние над Сыном Божиим, земля содрогнулась от ужаса – и от этого содрогания треснула скала. Трещина проникла глубоко внутрь скалы – до того самого места, где покоилась голова Адама, и капли крови Спасителя, стекая с креста, падали в эту расселину, омывая чело первого человека и смывая с него первородный грех... Когда капли крови Христа излились на главу Адама, – повествует христианская легенда, праотец восстал от тысячелетнего сна и появился в Иерусалиме, возвещая радостную весть искупления.

Пока Антон вдохновенно рассказывал в камеру эту историю, Рафик снимал, стараясь получше осветить трещину и выбрать такой угол освещения, чтобы блики от стекла не попадали в объектив.

– Какая чушь! – заявил профессор Резник, посмотрев отснятый Антоном и Рафиком материал.

Профессора подогнали им друзья из израильского корпункта, как наиболее авторитетного знатока иерусалимских древностей. Сказали, что старик немного чокнутый, но в научном плане ему вполне можно доверять.

– Да будет вам известно, мои непросвещенные друзья, что в семидесятом году новой эры после пятимесячной осады император Тит захватил восставший Иерусалим, спалил дотла Храм, а весь город превратил в руины.

По свидетельству Иосифа Флавия, который был очевидцем событий, от меча и голода погибло около миллиона жителей, а сто тысяч были пленены.

Несколько десятков лет руины находились в запустении, здесь жили только пустынные лисы и коршуны. А в 130 году на этом пустыре император Адриан приказал построить римскую колонию, которую назвал Элия Капитолина. Римляне строили свои города по образцу военного лагеря: квадрат, внутри которого пересекаются под прямым углом две главные улицы. При этом они нередко выравнивали местность, срывая холмы и засыпая низменные места.

А теперь сами подумайте: могла ли после всего этого остаться целой и невредимой дорога, по которой вели Иисуса на казнь, да и сама Голгофа, не говоря уже о прочих городских строениях времен Иисуса? Единственное место, которое можно более или менее точно узнать – это холм, на котором располагался иерусалимский Храм. Здесь римляне построили святилище в честь Юпитера, а в том самом месте, где прежде находилась Святая Святых, была воздвигнута конная статуя Адриана.

– Но те места, где располагаются Гроб Господень и Голгофа, – они ведь были известны раньше? Ведь крестоносцы прибыли сюда для того, чтобы освободить Гроб Господень, а не для того, чтобы его найти?

– Тут вы, конечно, правы. Эти места к тому времени уже были известны. Однако давайте посмотрим, когда, и главное как они были обнаружены? Думаете, их нашли археологи? Как бы не так! Эти места были обнаружены императрицей Еленой, матерью императора Константина. Представьте: царственная дама прибывает в Иерусалим и, на основании приснившегося ей сна (!), без тени сомнения выкапывает из-под земли якобы тот самый крест, на котором был распят Иисус! Причем этот крест за триста лет не сгнил, не рассыпался в труху, а вполне себе целехонький! Чудо! Нетленный деревянный крест! Ну и соответственно место, где его нашли, объявляется Голгофой. Типа как Иисуса на том кресте распяли, так крест тут и оставили. Странно? Странно.

А то, что Гроб Иисуса, точнее, выдолбленная в скале пещера, в которой он был похоронен, по счастливой случайности оказался в нескольких шагах от места его казни – не странно?

На самом деле все было иначе. Императрица полагала, что место, которое для нее было священным, должно было быть священным во все времена, и, стало быть, должно быть чем-то обозначено. И тут взгляд ее натывается на приютившиеся на краю города изящные святилища Сераписа и Астарты, построенные Адрианом. Конечно же, это неспроста – думает императрица. Наверняка тот храм, что повыше – и есть Голгофа, а что пониже – Гроб Господень. А тут, откуда ни возьмись, и целехонький крест обнаруживается, и даже гвозди, почти не ржавые, – ну кто бы мог подумать! И она, конечно, немедленно приказывает перестроить языческие капища в Храм Гроба Господня и Храм Святого креста, под полом которого в срочном порядке ищут – и, конечно, находят! – три отверстия, соответствующие трем крестам, описанным в Евангелии. Как будто римляне всегда казнили только по трое, а не по четверо или по пятеро. Видимо их римский бог тоже троицу любил.

Понятно, никому в те времена и в голову не пришло усомниться в археологических способностях императрицы.

Но мы-то не в те времена живем. Вы заметили, какую глубину имеют отверстия, в которых, якобы, держались кресты?

– Ну, сантиметров пятнадцать примерно, не больше, – сказал Рафик.

– Вот именно. Думаете, тяжеленный двухметровый столб да еще с прибитым к нему человеком в таком мелком гнездышке удержится?

– Конечно, не удержится, и думать нечего!

– Вот! А нам внушают, что именно тут он и стоял. А теперь вспомните, каковы расстояния между отверстиями? И размер самой скалы. Могли ли там реально разместиться три настоящих распятия? Да еще не стоит забывать – тут где-то и римским воинам нужно было стоять. Да еще кресты куда-то класть, когда к ним людей прибавляли.

– И, правда, – там ведь места-то совсем мало! Там можно только игрушечные распятия воткнуть, вроде тех, какие по Виа долороза паломники носят.

– Профессор, вы хотите сказать...

– Вы правильно угадали, юноша! Это никакая не Голгофа!

– И там не похоронен Адам?

– А кто вам сказал, что он должен быть похоронен именно там?

– Ну, как же, это же старинная еврейская легенда...

– Дорогой мой, у евреев много легенд. Возможно, есть среди них и такая. Но помимо легенд существуют ведь более авторитетные источники, священные тексты, например. Вот посмотрите, – профессор снял с полки толстый манускрипт в кожаном переплете со множеством закладок, и, развернув книгу, ткнул пальцем в квадратные, похожие одна на другую буквы на одной из страниц. – Это книга Берешит-рабба. Видите, что тут написано?

– Простите, профессор, но...

– Ну да, извините, это же древнееврейский. Ну, здесь говорится, что Адам похоронен в склепе Махпелы в Хевроне. А вместе с ним в этом склепе покоятся останки других почитаемых патриархов – *Авраама, Исаака и Иакова*. То же место указывает и трактат Бава-Батра. Кстати, это место почитают и мусульмане. Они называют усыпальницу патриархов Харам ал-Халиль...

– Значит, Адам похоронен в Хевроне? И что, там можно увидеть тело Адама? Вместе с головой?

– Увы, нет. На самом деле в Хевроне есть гробницы только трех патриархов. Могила Адама не сохранилась. Да и сами подумайте, когда жил первый человек? Могли ли его останки сохраниться до нашего времени?

– Что же получается? – рассуждал Рафик по пути в гостинцу. – Головой тамплиеров не могла быть ни та мертворожденная голова, – потому что она была выброшена в море, ни голова Адама, потому что ее не было в Иерусалиме. Так какой тогда голове поклонялись тамплиеры во время своих тайных обрядов?

Не успели они войти в свой номер как раздался звонок телефона.

– Вас ожидают на ресепшине, – пролепетал женский голос с сильным акцентом.

У стойки регистрации Антон обнаружил смуглого парня, по виду – местного, растянувшего рот в дружелюбной улыбке.

– Я слышать ты искать голову?

Антон кивнул в знак согласия.

– Я знать человека, который имеет информация, – незнакомец взял Антона за локоть, отводя его от стойки регистрации, чтобы не быть в центре внимания. – Информация стоит деньги.

Антон пошарил в карманах брюк и извлёк десять долларов.

– Хороший информацией у меня, – продолжил незнакомец, выразительно взглянув на купюру.

Антон добавил ещё три десятки.

– Ещё один и о'кей, – прищурился незнакомец.

В ответ на пятую десятидолларовую купюру мужчина протянул небольшую бумажку, на которой было написано имя и адрес.

– Понятно?

– Александрия? Я заплатил тебе деньги за листок с египетским адресом? И всё? А вдруг ты меня обманываешь?

– Нет, нет. Всё хорошо, окей? Это мой дядя. У меня есть еще номер телефона, – вымогатель протянул руку в ожидании очередного вознаграждения. – Позвонишь, он знает русский, окей?

Антон помедлил, сомневаясь, стоит ли верить незнакомому человеку. Но ему уже ничего не оставалось делать. Да и мысль о таинственной голове не давала покоя. Однако у него с собой больше не было наличных.

– Чёрт! – выругался он.

– Что не так? – забеспокоился незнакомец.

– У меня с собой больше нет денег, мне нужно подняться в номер. Подождёшь?

– Да, да, я ждать.

Антон направился к лифту, где столкнулся с Рафиком.

– Рафик, у тебя не найдётся пары десятков.

– А я только собрался расслабиться в баре, – вздохнул Рафик, вынимая две десятки.

– Мы на работе, – улыбнулся Антон. – Не время расслабляться. Похоже, следующая остановка – Египет.

– Что? Опять куда-то лететь? – Рафик схватился за голову, изображая панику. – Хочу домой!

– Не переигрывай! – Антон повернулся в сторону холла, и увидел, как двое мужчин, один повыше и помассивнее, другой пониже, тащат его информатора к выходу.

– Эй, вы, постойте, это какая-то ошибка! – закричал Антон, кинувшись за ними. Один из мужчин, повернувшись, бросил на него выразительный взгляд и, распахнув пиджак продемонстрировал кобуру на поясе, из которой виднелась рукоять пистолета. Антон застыл на месте, провожая троицу растерянным взглядом.

Девушка за стойкой на ресепшине только пожала плечами в ответ на его немой вопрос.

Полет над Александрией

Поднявшись по узкой, опасно поскрипывающей деревянной лестнице (пришлось останавливаться несколько раз, чтобы передохнуть и унять дрожь в коленях) на самый верх высокой каменной башни, стоящей над сухим руслом канала, Антон постучал в дверь, выкрашенную в синий цвет. Ответа не было. Он поискал кнопку звонка, но обнаружил только какой-то бронзовый крючок, торчавший из стены. Потянув за него, услышал в глубине дома мелодичный звон. Через некоторое время дверь открылась. За ней никого не было. Единственное, что могло открыть дверь, было нелепое механическое устройство, напоминающее протез руки. Как только Антон с Рафиком переступили порог дома, механический «швейцар» закрыл дверь, лязгнув тяжелым засовом.

– Ого, сними-ка это! – сказал Антон Рафику. – Есть кто дома?

– Русский? – раздался голос из другой комнаты. – Ахлан васайлан! Доброго пожаловать!

В скромно обставленной комнате у стола, заваленного металлическими и деревянными деталями непонятного назначения, пружинами, колесиками, а также различными инструментами, сидел человек неопределенного возраста в засаленном бежевом халате. При виде гостей он кивнул, отложил в сторону нечто, напоминающее металлический макет руки, слегка отодвинулся от стола и выкатился к гостям на инвалидной коляске.

– Икрам, – представился он, и они обменялись рукопожатиями, – люди зовут меня мажестир, по-вашему – мастер.

Показав на широкий низкий диван, занимавший весь дальний угол комнаты, хозяин предложил:

– Присаживайтесь. У нас говорят: «Гость – посланец Аллаха!». Кофе? Итак, что вас привело ко мне?

– Ваш племянник дал адрес, – сказал Антон.

– А, этот шалопай... Он уехал в Палестину, на заработки. У нас-то здесь революция, работы нет, только митинги. Так вы видели Шамси? И что он вам наплел?

– Он сказал, что у вас есть информация про древний артефакт – про голову, которую мы ищем.

– Про голову? Вот негодник!

– Так вам действительно что-то известно?

– Я не хотел бы преждевременной огласки... Этот Шамси такой несдержанный на язык.

– Обещаю вам, что все останется между нами.

В этот момент раздалось мерное позвякивание, как в поезде звякают стаканы в подстаканнике. Раздвинулась драпировка одного из дверных проемов, и оттуда выкатилась фигура девушки в индийском наряде, держащей в одной руке дымящийся кофейник, а в другой – поднос с чашками и сладостями. Девушка была, не настоящая, механическая. Она стояла на невысокой платформе, движущейся на колесиках. Под удивленными взглядами гостей, кофейник в руке девушки-автомата наклонился над одной чашкой и чашка наполнилась кофе. После этого большая тарелка повернулась, и перед кофейником оказалась другая чашка, пустая. Когда она наполнилась, тарелка снова повернулась, подставив под кофейник еще одну чашку.

После этого мажестир нажал незаметный рычажок, выступающий на боку автомата, отчего девушка замерла, и предложил угощаться.

Опасливо взирая на удивительную прислугу, Антон и Рафик взяли с подноса чашки и лукум. Кофе оказался замечательным – такого они еще никогда не пробовали.

– Ладно, – сказал хозяин, – раз уж вы все равно знаете... Но просил бы, чтобы вы никому...

– Обещаю. Кстати, вы так хорошо говорите по-русски...

– Спасибо. Я учился в вашей стране. Закончил ЛИТМО в Ленинграде. Но это было давно. Сейчас ваша страна стала другой. И Ленинград теперь по-другому называется.

– Санкт-Петербург.

– Вот-вот. Санкт-Петербург. Нерусское название. Зачем давать русскому городу немецкое имя? Если вам теперь так не нравится Ленин, как раньше нравился, ну назвали бы – Петроград. Это было бы по-русски.

– Наверно, вы правы. Погорячились, не подумали. Теперь не вернешь. Так что насчет головы?

– Да, голова... Я ведь по образованию механик. И отец мой был механик. Он закончил инженерный колледж в Каире, еще при англичанах. А я – институт точной механики, ЛИТМО, в Советском Союзе. А деда моего люди называли «уста Абан» – он был великий мастер, из старинного рода мастеров. Султан назначил его главным смотрителем водяных колёс. Вот от деда мне достались старинные книги по механике, некоторые еще рукописные. В этих книгах описаны многие диковинные вещи, – самодвижущиеся повозки, клепсидры, сосуды для охлаждения воды, волшебные фонари, даже говорящие статуи. Ребенком я любил рассматривать в этих книгах рисунки и чертежи. Наверно поэтому я и стал механиком – мне хотелось тоже создавать такие удивительные вещи, оживлять неодушевленные предметы. Но жизнь, увы, требовала другого. Нужно было строить железные дороги, фабрики, мосты. Я этим и занимался. До тех пор, пока не лишился ног при неудачном испытании одного устройства. Военного назначения... Конечно, правительство выделило мне неплохую пенсию. Но работать я больше не мог. Разве что иногда ко мне обращаются за консультациями. Зато я теперь предоставлен самому себе и могу заниматься тем, что мне нравится. И я решил воплотить в жизнь свои детские мечты – попробовать воспроизвести описанные в старинных книгах удивительные механизмы. Вот посмотрите, например на это.

Мажестир подкатил свое кресло к полкам, на которых громоздились различные странные предметы, и, сняв с одной из них деревянный ящик кубической формы, водрузил его на стол. По бокам ящика оказались металлические зажимы, удерживающие крышку, а точнее – футляр, под которым скрывалась бронзовая фигурка птички на массивной подставке. Одно нажатие на крыло птички, – и она раскрыла клюв, встряхнула перышками и мелодично зачирикала, поворачивая голову в разные стороны.

Антон с Рафиком разинули рты, наблюдая чудо оживления мертвой материи.

– Здорово! – сказал Рафик. – А что насчет головы?

– Да, да, голова... – ответил мажестир, аккуратно водружая футляр на место. – Над ней я бился дольше всего. И до сих пор не закончил. Ее чертеж я нашел вот в этой книге, – он снял с полки толстенный и очень потрепанный фолиант в кожаном переплете и раскрыл на странице, почти сплошь занятой изображениями непонятных загогулин, колесиков, пружинок и прочих деталей, кое-где снабженных пояснительными надписями на арабском. – Вот видите, какой это сложный механизм! А теперь посмотрите сюда.

Ловко развернувшись на своих колесах, мажестир подъехал к нише на стене, и, отдернув закрывавшую ее узорчатую завесу, открыл изумленным взорам своих гостей бронзовую голову в натуральную величину.

– Вот она, та голова, о которой проболтался Шамси. Я собирал ее больше шести лет, но пока еще работа не закончена.

Он нажал рычажок позади, отчего опущенные веки металлической головы вдруг поднялись и голова уставилась на посетителей пристальным немигающим взглядом. А затем раскрыла рот, из которого раздалось неясное жужжание и позвякивание. Потом из открытого рта механического монстра высунулся язык. Мастер положил на него небольшую продолговатую пластинку с отверстиями, и язык исчез внутри устройства. Там, внутри, заиграла мелодия, как в музыкальной шкатулке, при этом один глаз головы закрылся, а другой остался открытым.

– Как написано в книге, эта голова должна была отвечать на вопросы и давать предсказания. Вообще-то главная ее особенность в том, что она умела говорить. Вот этого мне добиться пока не удастся. Поэтому я и не хотел бы, чтобы кто-то знал, что я над ней работаю. Когда голова заговорит – тогда я представлю ее публике. Пусть весь мир узнает, что мы, арабы, не только беспорядки устраивать способны.

– Вот это да! – сказал Антон. – Сногшибательная вещь! А вы – гениальный мастер. Я бы хотел, чтобы именно наш телеканал был первым, кто сообщит миру о вашем удивительном изобретении!

– Не возражаю. Но пообещайте, что без моего разрешения никому ничего об этом не расскажете.

– Обещаем! Хотя, признаться, очень хотелось бы.

– Но вы пообещали!

– Да, конечно. Мы сдержим слово. Но, скажите, какое отношение эта бронзовая голова имеет к тамплиерам?

– К тамплиерам? А почему она должна иметь к ним отношение?

– Ну, вообще-то мы разыскиваем голову тамплиеров. Принадлежавший им артефакт, известный под названием «Бафомет».

– Вот оно что! Выходит, Шамси все перепутал. Услышал, что вы интересуетесь головой – и послал вас ко мне. Ну, боюсь, я не смогу вам ничем помочь. Эта голова явно не принадлежала тамплиерам, ведь я ее сам изготовил.

– Постойте, – вмешался в разговор Рафик, – но ведь голова тамплиеров вполне могла быть вот таким же механическим устройством. Разве нет? Эту-то голову построили вы, но чертежи, похоже, древние. Разве не мог кто-то в старые времена такую же голову сделать?

– Ну, вообще-то эту книгу написал аль Миср в XVI веке. Изготовить механическую голову для тамплиеров он не мог.

– Ну да, Орден тамплиеров был уничтожен двумя веками раньше, – подтвердил Антон.

– А в более ранние времена, – поинтересовался Рафик, – разве не было инженеров, способных создавать такие механизмы?

– Наверняка были. Погодите-ка.

Мажестир вновь подъехал на своем кресле-каталке к полкам и вытащил из-под стопки книг одну небольшую, в красивом переплете из тисненой кожи.

– Что это? – спросил Антон.

– Старинный манускрипт под названием Аджа'иб ал-махлукат ва гара'иб ал-мауджудат. По вашему – «Чудеса сотворенного и редкости существующего». Составлена эта книга была в двенадцатом веке, как раз во времена ваших тамплиеров. Смотрите, о каких устройствах здесь написано. Медная утка, автоматически дозирующая воду для орошения полей. Статуя, открывающая свое лицо, если положить ей в одну руку какой-нибудь подарок. Еще одна статуя, не только украшавшая гробницу персидского правителя, но и защищавшая ее от непрошенных гостей. Видите, какие устройства могли изготавливать инженеры тех времен!

Вот тут дальше говорится об изобретениях, сделанных шейхом Абу «Али ибн Сина, среди которых устройство для охлаждения вина и воды; зеркало, ослепляющее противника во время битвы; горн, издающий звук, который слышно за 40 фарсахов; баня, в которой вода становилась горячей при помощи одного светильника. Такого рода изобретений у него было множество. Искусно он владел также алхимией. С ее помощью он получил жемчуг и рубины, которые было невозможно отличить от настоящих.

Самым знаменитым средневековым механиком-изобретателем был аль-Джазари. Он написал трактат «Китаб фи марифат аль-хиял аль-хандасийя», то есть – «Книга знаний об остроумных механических устройствах», где описал конструкцию около пятидесяти механизмов, в том числе часов, кодовых замков и... роботов. Причем, аль-Джазари был не пер-

вым. В своей книге он описывает механизмы, созданные его предшественниками. Этой книги у меня, конечно, нет. Она хранится в Каирском музее. Книга написана в 1206 году.

– Это был самый расцвет деятельности ордена Храма! – подтвердил Антон.

– Вот видите! Так что тамплиеры вполне могли располагать механической головой.

– Но все эти изобретения были сделаны на Востоке. Как механическая голова могла попасть к тамплиерам? Может быть, это был военный трофей, отбитый у арабов?

– Не исключено. Но не обязательно. Почти триста лет тамплиеры жили бок о бок с арабами, они не только воевали, но и заключали договора, иногда даже были союзниками. Арабский мир был расколот, нередко одни исламские государства вступали в союз с крестоносцами против своих соседей. И, конечно, преподносили своим союзникам дары – так было принято в те времена. Направляя в другие страны послов, средневековые правители обязательно снабжали их редкими и дорогими подарками.

Не только арабы или индийцы создавали механические чудеса. Арабы ведь прежде были кочевым народом, у нас ремесла и науки не были развиты в такой мере, как у оседлых народов, например, у греков или римлян. Мы были их учениками.

Вот, в той же книге есть много рассказов о чудесных механизмах, которые арабы видели у ромеев, и которые приводили их в крайнюю степень изумления. Например, о часах у императора Рума в виде медного павильона, на крыше которого установлены двенадцать медных идолов, и каждый поворачивает голову в соответствующий час. Эти часы, как написано в книге, изобрел некий Балинас-мудрец. Или вот еще одно изобретение: в одной христианской церкви на канделябре был закреплен золоченый петух, который, когда гаснет один из светильников, сам наклонял голову и наполнял его маслом, и светильник сам собою вновь зажигался.

А ромеи были учениками древних греков. Греки же еще задолго до новой эры создавали удивительные вещи. Взять, например, так называемый «карданов подвес», без которого немислимы современные автомобили, самолеты, корабли. Как вы думаете, когда он был изобретен?

– Не знаю, – развел руками Антон, – я гуманитарий. Вот у нас Рафик – технический человек.

– Карданов подвес? Так его Кардан и изобрел в шестнадцатом веке.

– А вот и нет! Джироламо Кардано только описал это устройство в трактате *De subtilitate rerum* – «Хитроумное устройство вещей», а изобрел его еще в третьем веке до нашей эры древнегреческий инженер Филон Византийский. Он вообще-то специализировался на новых видах оружия – катапультах и тому подобном, но изготавливал и всякие безделушки, типа восьмигранной чернильницы с отверстиями в каждой стороне. Этот восьмигранник можно было поставить любой стороной кверху – и чернила не проливались. А почему? Да потому что в конструкции чернильницы был применен принцип карданова подвеса!

Кстати, Филон много времени провел здесь, в Александрии, в Великой библиотеке. А в первом веке в Александрии жил Герон, автор самых знаменитых механизмов. Это он изобрел сами собой открывающиеся двери для храма, автомат для продажи святой воды, негасимую лампаду, самодвижущийся шкаф, первый паровой двигатель, сосуд для превращения воды в вино, и даже целый механический театр, в котором декорации менялись автоматически, а все роли исполняли механические роботы!

– Превращение воды в вино? Как это?

– А очень просто. Принцип сообщающихся сосудов. Берешь две амфоры – в одну заранее наливаешь вина, так чтобы никто не заметил, а в другую, уже у всех на глазах, – воду. Вода из первой амфоры по трубочке поступает во второй сосуд и выдавливает из него вино, которое выливается из специального отверстия в подставленную чашу. Выглядит эффектно: ты вливаешь в сосуд простую воду – а твоя чаша наполняется вином. Впрочем, Герон придумал и еще более остроумную и простую конструкцию, состоящую всего лишь из одной амфоры. Из нее

в чашу выливалось либо вино, либо вода – смотря какую дырочку незаметно зажать пальцем под ручкой сосуда.

– Так вроде бы Иисус превратил воду в вино на одной свадьбе... пир в Кане Галилейской, кажется так называется, – вспомнил Рафик. – Значит, это был всего лишь фокус?

– Да ладно, – возразил Антон, – откуда в Галилее могли знать о механических чудесах, созданных в Египте, в Александрии?

– Арабская легенда говорит, – сказал мажестир, – что родители Исы бежали в Египет, опасаясь гнева жестокого еврейского царя, и жили здесь, пока тот царь не умер. А от иудеев я слышал, будто в их книге, в Талмуде, Ису называют фокусником, вывезшим свою магию из Египта.

– Вот это да! – восхитился Рафик, – тут тема для еще одного фильма!

– Скажите, мажестир, – сказал Антон, вынимая из рюкзака заветную шкатулку, которую он не рискнул оставить в Москве, – а что вы скажете вот об этом?

Осмотрев протянутый ему предмет и ловко открыв и закрыв несколько раз крышку шкатулки, мажестир потряс ее, приблизив к уху, и сделал свое заключение.

– Вещь старинная, – сказал он, – очень старинная и очень искусной работы. И поверьте моему глазу, вы узнали еще не все секреты, которые она хранит. Если бы вы дали мне время...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.